

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ В РОМАНАХ

Виктор ПОРОТНИКОВ

ФЕМИСТОКЛ

Всемирная история в романах

Виктор Поротников

Фемистокл

«ВЕЧЕ»

2025

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2)

Поротников В. П.

Фемистокл / В. П. Поротников — «ВЕЧЕ», 2025 — (Всемирная история в романах)

ISBN 978-5-4484-5289-5

V век до н.э. В древних Афинах кипит политическая жизнь. Однако политика — дело грязное, и это прекрасно понимает Фемистокл, пользующийся большим уважением простых афинских граждан. Он часто использует сомнительные методы. Например, нанимает продажных женщин, чтобы те своей прелестью заставляли политических соперников Фемистокла забыть обо всём и пропустить голосование по важному вопросу. Но главное — такие методы приносят пользу большинству афинян, а не кучке аристократов. Поэтому Фемистокла любит народ. И кто знает, чем закончилось бы знаменитое сражение с персидским флотом в Саламинском проливе, если бы Фемистокл в очередной раз не использовал сомнительные методы ради блага Афин и всей Греции.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2)

ISBN 978-5-4484-5289-5

© Поротников В. П., 2025
© ВЕЧЕ, 2025

Содержание

Об авторе	6
Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	24
Глава третья	30
Глава четвёртая	35
Глава пятая	43
Глава шестая	54
Глава седьмая	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Виктор Петрович Поротников Фемистокл

Виктор Петрович Поротников

© Поротников В.П., 2025

© ООО «Издательство «Вече», 2025

Об авторе

Поротников Виктор Петрович родился в 1963 году в селе Бутка Свердловской области в семье обычных сельских тружеников. Его отец, Поротников Петр Феоктистович, устроился работать шофером в геологическую партию. Вместе с геологами его семья кочевала по Уралу с места на место. В 1967 году Петр Феоктистович скончался от болезни, а его вдова и сын надолго осели в поселке Пышма Свердловской области. В Пышме прошли детство и отрочество Виктора Поротникова. Со школьной скамьи он увлекался книгами по истории, поэтому без раздумий и колебаний после школы поступил на истфак Петербургского университета.

Учеба в университете и археологическая практика в Крыму расширили горизонт исторического познания впечатлительного студента. Параллельно с учебой в университете Виктор Поротников посещал лекции и семинары для начинающих литераторов при тогдашнем Ленинградском отделении Союза писателей.

По окончании университета в 1991 году Виктор Поротников преподавал историю в школе сначала в городе Выборге, а затем в различных школах Петербурга. Уже тогда он пытался сочинять исторические романы, но эти попытки завершились ничем. Издательства отвергали неумелые рукописи неопытного автора. Прошли годы, прежде чем один из романов Виктора Поротникова наконец-то был напечатан в московском издательстве «Терра». Этот роман назывался «Василий Буслаев», книга вышла в свет в 1998 году.

С этого момента удача на писательском поприще стала чаще улыбаться Виктору Поротникову, его книги печатались в самых разных издательствах не только в России, но и за рубежом.

Самыми читаемыми книгами Виктора Поротникова, по его мнению, являются романы о Древней Руси и из античной истории. Это романы: «Игорь Святославович», «Василий Буслаев», «Батыево нашествие», «Триста спартанцев», «Дарий» и «Митридат». Все они получили высокую оценку от читателей.

На данное время Виктором Поротниковым написано тридцать исторических романов. И он не намерен останавливаться на достигнутом в своем творчестве.

Книги автора, опубликованные в издательстве «Вече»:

- «Игорь Святославович», серия «У истоков Руси», 2023;
- «Братья Ярославичи», серия «У истоков Руси», 2024;
- «Клубок Сварогов», серия «У истоков Руси», 2024;
- «Триста спартанцев», серия «Всемирная история в романах», 2024;
- «Царица Горго», серия «Всемирная история в романах», 2024;
- «Дарий», серия «Всемирная история в романах», 2024;
- «Ледовое побоище», серия «У истоков Руси», 2025.

Часть первая

Глава первая Лаврийское серебро

Этот дом в квартале Мелита знали все афиняне, хотя он ничем не выделялся среди прочих домов на улице Медников: одноэтажный, сложенный из грубо обработанных камней, с двускатной черепичной крышей, с изгородью из терновника. В таких жилищах из поколения в поколение живут, растят детей и умирают афинские граждане среднего достатка. Однако этот дом на углу улицы Медников и Кожевенного переулка был знаменит тем, что здесь родился, возмужал и ныне проживает со своей семьёй любимец афинского демоса – Фемистокл, сын Неокла.

Была середина лета. В эту пору года в Афинском государстве происходят очередные выборы всех высших государственных лиц, а также их помощников.

Благодаря ораторскому таланту и неизменной поддержке самых бедных граждан, численность которых в Афинах всегда была велика, Фемистоклу удалось наконец-то стать архонтом-эпонимом¹. И это несмотря на яростное сопротивление эвпатридов², люто ненавидевших Фемистокла за его неоднократные попытки принизить родовую знать, за его намерение привлечь к начальствующим должностям людей бедных и безродных.

С той поры, когда демократия пустила глубокие корни в Афинах, здешние аристократы лишились почти всех своих привилегий. Народ же благодаря таким гражданам, как Фемистокл, год от года обретает всё большее могущество.

Пиршество в доме Фемистокла закончилось незадолго до рассвета.

Друзья и родственники Фемистокла, рьяно помогавшие ему на выборах, только-только разошлись по домам.

Ещё не затихли вдалеке пьяные голоса и громкий смех разгорячённых вином людей, как к дому Фемистокла бесшумно прокралась мужская фигура в тёмном плаще.

Фемистокл уже было направился в спальный покой, но представший перед ним раб сообщил ему, что у дверей его дома стоит человек по имени Аристид и просит позволения войти.

– Господин, у Аристида к тебе какое-то важное дело, – добавил раб. – Он так и сказал, что пришёл по важному делу.

Фемистокл изумлённо приподнял брови.

– Клянусь Зевсом, это неспроста! – воскликнул он. – Впусти Аристида, Сикинн. Впусти скорее!

Раб с поклоном удалился.

Аристид вступил в просторную комнату для гостей, там стояли столы с объедками и грязной посудой, пахло вином и жареным мясом. Фемистокл встретил позднего гостя с самой радушной из своих улыбок.

– Приветствую тебя, Аристид! – промолвил Фемистокл. – Прошу прощения за то, что принимаю тебя среди такого беспорядка. Если бы ты предупредил меня заранее о своём приходе, то я позаботился бы, чтобы твой взгляд не наткнулся на обглоданные кости.

---

¹ Архонт-эпоним – глава Афинского государства, избирался сроком на один год.

² Эвпатриды – буквально: «имеющие благородных отцов», афинская родовая знать. До реформ Клисфена представляла собой привилегированное сословие.

– Пустяки, – холодно проговорил Аристид. – Ни к чему эти церемонии. Мы ведь давно знаем друг друга, Фемистокл. И, как ты догадываешься, я пришёл сюда совсем не для того, чтобы поздравить тебя с победой на вчерашних выборах. Я бы вовсе не пришёл, если бы не одно обстоятельство. Позволишь сесть? – Аристид вопросительно взглянул на Фемистокла.

Тот сделал широкий жест в сторону скамей и стульев, предлагая гостю самому выбрать удобное для него место.

Аристид взял стул со спинкой и поставил его поближе к распахнутому окну. В трапезной было душно, а из окна тянуло ночной прохладой.

Фемистокл устроился напротив гостя, придвинув к себе дифрос³.

– Повторяю, я бы не пришёл сюда, если бы не одно важное обстоятельство, – вновь проговорил Аристид, ощутив на себе пристальный, выжидающий взгляд Фемистокла. – Я имею в виду твоё необъятное честолюбие, Фемистокл. Оно разжигает гражданские распри, толкает афинян к вооружённому столкновению с нашими соседями – эгинцами. Ты готов бросить вызов самому персидскому царю, Фемистокл, лишь бы быть на виду. Ты готов убеждать всех и каждого в своей незаменимости и гениальной прозорливости! Ныне ты пролез в архонты-эпонимы... А это значит, что Афинам грозят новые потрясения. Вот, почему я здесь.

– Ты хочешь сказать, Аристид, что твоё радение о нашем государстве чище и возвышеннее моего. Так? – В голосе Фемистокла прозвучала плохо скрытая ирония. – Вчера на Пниксе⁴ ты говорил то же самое, выступая перед народным собранием. Однако народ не прислушался к твоим словам и наперекор твоему красноречию избрал в архонты-эпонимы меня, а не ставленника аристократов Зенодота. Значит, моя речь пришлась более по душе народу, нежели твоя, Аристид. И мои доводы оказались весомее твоих.

Моё честолюбие вредит не Афинам, а эвпатридам. Давай называть вещи своими именами, Аристид. Я заявляю тебе, что буду непримиримым врагом афинской родовой знати, покуда эта знать не избавится от своих персофильских настроений. Ты только что упомянул про Эгину. Смее тебя уверить, Аристид, что не от эгинцев в скором будущем нам будет грозить величайшее зло, но от персов. И только такие слепцы, как ты и Зенодот, не в состоянии узреть очевидное.

У Аристида вырвался раздражённый вздох.

– Это стало уже правилом для многих ораторов – пугать народ персами, дабы увлечь толпу за собой, – проворчал он. – Но если рассуждать здраво, то персам ныне не до Эллады, ибо у них в стране полыхают восстания. К тому же Дарий умер, а его сын Ксеркс, вероятно, извлёк урок для себя из отцовских неудач. Я имею в виду поражения персов во Фракии и под Марафоном.

– Теперь-то эвпатриды похваляются марафонской победой. А ведь когда Датис и Артафрен высадились в Аттике, то среди аристократов было немало сторонников добровольной сдачи Афин персам, – не без язвительности заметил Фемистокл. – Я не говорю о тебе, Аристид. Однако кое-кто из твоих друзей не вступили в афинское войско и не пошли к Марафону, предпочитая выждать исхода событий. Это ли не измена?

– Не нужно искать недругов среди своих сограждан, Фемистокл, – с лёгким осуждением промолвил Аристид. – Вспомни: когда персы стояли под Марафоном, в Афинах вообще мало кто верил, что нам удастся одним, без спартанцев, разбить столь сильного врага. Я считаю, что во время Марафонской битвы не обошлось без вмешательства богов, ставших на нашу сторону. Вот почему малочисленное афинское войско оказалось сильнее варваров. Не зря же кое-кому из наших воинов привиделся призрак великана в доспехах и с длинной бородой, который крушил персов боевым топором.

---

³ Дифрос – стул без спинки.

⁴ Пникс – холм в Афинах, где происходили народные собрания.

– Боги тут ни при чём, – возразил Фемистокл, который тоже участвовал в том памятном для всех афинян сражении. – Нас спасло тогда воинское умение Мильтиада. Он единственный из военачальников знал тактику персов.

– Тем не менее это не помешало тебе, Фемистокл, спустя год после марафонской победы привлечь Мильтиада к суду и посадить его в темницу, где он и скончался, – сказал Аристид. – С твоей подачи судьи наложили на несчастного Мильтиада огромный штраф, который ещё и поныне выплачивает его сын Кимон. Судьи предъявили обвинение Мильтиаду за неудачный поход афинян на остров Парос. Но истина была в другом. Признайся, Фемистокл, ты просто завидовал Мильтиаду! Не имея возможности превзойти Мильтиада популярностью, ты расправился с ним способом низменным и коварным. Как это на тебя похоже!

– Не стану скрывать, Аристид, Марафонская победа Мильтиада не давала мне покоя, – невозмутимо проговорил Фемистокл. – Однако ты, как всегда, перегибаешь палку, Аристид. Обвинение в суде предъявил Мильтиаду не я, а архонт-полемарх ⁵Фанипп. Я же лишь поддержал его. Кстати, ты был тогда архонтом-эпонимом и мог бы спасти Мильтиада от долговой тюрьмы, если бы захотел. Но ты предпочёл остаться в стороне, Аристид, видя, каким гневом был тогда объят народ. Ведь Мильтиад не только растратил государственные деньги, но и погубил в бесплодной осаде немало афинян.

– У тебя короткая память, Фемистокл, – возмутился Аристид. – Ещё до суда над Мильтиадом я произнёс речь в его защиту в народном собрании. Дело и не дошло бы до суда, если бы архонт-полемарх Фанипп не привлёк со стороны обвинения тебя, Фемистокл. Ведь это ты взбаламутил народ своими заявлениями, мол, эвпатриды, дорвавшись до власти, ставят себя выше закона, не давая отчёта в своих действиях, проливая кровь сограждан и обдывая тёмные делишки за пределами Афин. О, я прекрасно помню твою пламенную речь, Фемистокл! После твоего выступления в народном собрании беднягу Мильтиада притащили в суд на носилках, невзирая на его тяжёлую рану, полученную на Паросе.

– Я не виноват в том, что ты умеешь красиво говорить, Аристид, а я умею убеждать, – пожал плечами Фемистокл.

– Все твои убеждения – не более чем потакание низменным страстям черни, – раздражённо сказал Аристид. – Ты готов обливать грязью эвпатридов, лишь бы угодить толпе, Фемистокл. Дабы добиться своего, ты способен замахнуться даже на святое! Мне ли не знать тебя, ведь мы росли вместе.

– Да, мы росли вместе, Аристид, – усмехнулся Фемистокл, – но ходили в разные школы. Твой отец был более знатен, чем мой. А со стороны матери я и вовсе считаюсь неполноправным гражданином Афин, ибо моя мать не гречанка, а фракиянка. Со школьной поры, Аристид, ты пытаешься внушить мне, что родовая знатность – это дар богов. Ты всегда говорил, что власть в Афинах должна принадлежать аристократам, которые являются солью этой земли. По твоему мнению, Клисфен ⁶совершил большую ошибку, допустив к власти в Афинах ремесленников и бедноту. Мы давно ведём с тобой этот спор. Ты утверждаешь, что опора государства – аристократия. Я же считаю, что основа прочности нашего отечества – демократический строй, при котором у знатных и незнатных граждан имеются равные права.

– Тебя послушать, так в Ареопаге ⁷должны заседать одни голодранцы! – Аристид бросил на Фемистокла недовольный взгляд. – Пренебрежение к эвпатридам уже не раз выходило тебе боком, Фемистокл. Пора бы тебе уразуметь, что вражда со знатью до добра не доводит.

---

⁵ Архонт-полемарх – один из девяти афинских архонтов, ему поручались все военные дела и заботы; избирался на один год.

⁶ Клисфен – афинский законодатель, который в 509–507 гг. до н. э. укрепил положение афинского демоса и ослабил власть родовой аристократии. Законы Клисфена действовали в Афинах до утраты ими независимости во времена завоевания Греции Римом.

⁷ Ареопаг – холм в Афинах, на котором находилось здание суда с тем же названием. В состав Ареопага входили бывшие архонты. Ареопаг следил за соблюдением законов, привлекал к ответственности должностных лиц, опротестовывал решения

– Это угроза?

– Нет. Просто вспомни участь Мильтиада. После победы при Марафоне афиняне превозносили его до небес. Потом толпа, не скрывая злорадства, упрятала Мильтиада в темницу. Вспомни также участь законодателя Клисфена, вынужденного уйти в изгнание и умершего вдали от Афин. Милость народа изменчива, Фемистокл.

– Я знаю это. – Фемистокл покивал головой. – Более того, я всегда помню об этом.

– Вот и прекрасно! – Аристид сухо улыбнулся. – Значит, мы сможем договориться.

– О чём? – насторожился Фемистокл.

– Как ты догадываешься, я здесь не по собственному почину. – Аристид перешёл к главной цели своего визита: – Самые знатные из афинян просят тебя, Фемистокл, – заметь, не приказывают, а просят, – прислушаться к ним. Через меня эти уважаемые граждане хотят убедить тебя не затевать войну с Эгиной, ибо от этого может пострадать афинская торговля в Эгейском море. Флот эгинцев гораздо сильнее нашего. Мы и прежде воевали с эгинцами, и что нам это дало?

– Афинянам удалось отвоевать обратно остров Саламин, – заметил Фемистокл.

– Да, наши деды отняли у эгинцев Саламин, но зато лишились подвоза египетского зерна, чем испокон веку занимаются эгинцы, – с нескрываемым сарказмом произнёс Аристид. – Воистину, великое дело – променять хлебный достаток на маленький бесплодный островок!

– Писистратиды⁸ наладили подвоз в Афины более дешёвого понтийского⁹ зерна, так что афиняне остались не в убытке, – сказал Фемистокл. – И поныне суда с понтийским хлебом каждое лето приходят в Аттику.

– Если начнётся война с Эгиной, то опять пойдут перебои с хлебом. Это уже бывало в прошлом, – хмуро обронил Аристид. – Эгинцы не допустят торговые корабли к нашим берегам, понтийским купцам придётся выгружать зерно на Эвбее, Делосе или в Коринфе. До нас это зерно дойдёт через посредников, то есть по гораздо большей цене. А это прямые убытки.

– А если афиняне построят более сильный флот и разобьют эгинцев на море? – Фемистокл таинственно прищурил свои большие, широко поставленные глаза. – Этого ты не допускаешь, Аристид?

– Ты не хуже моего знаешь, что это невозможно, – печально вздохнул Аристид. – У нас просто-напросто нет денег на большой флот. Афиняне всегда славились своей конницей и тяжёлой пехотой. У нас и моряков-то стоящих нет. К чему эти бесполезные речи?

– Я знаю, где взять деньги на боевые корабли, – уверенно проговорил Фемистокл. – И я сделаю из афинян отменных мореходов! С сильным флотом Афины захватят все морские торговые пути, и деньги рекой потекут в нашу казну.

Аристид грустно покачал головой:

– Я так и знал, Фемистокл, что твоя голова полна бредовых замыслов. Вот почему ты убеждаешь афинян перенести морскую гавань из Фалера в Пирей. В тебе сидит желание построить огромный флот, разместить который в Фалере просто невозможно.

– Фалер более уязвим для нападения с моря, нежели Пирей, – с воодушевлением заговорил Фемистокл. – Недавно я побывал в Пирее и осмотрел все тамошние бухты. Лучшего места для стоянки флота не найти!

Совета пятисот.

⁸ Имеются в виду сыновья Писистрата – афинского тирана, жившего в 600–528 гг. до н. э. Писистрат дважды был изгнан гражданами из Афин, но всякий раз восстанавливал свою власть с помощью наёмников. Передал власть своим сыновьям Гиппию и Гиппарху, но Писистратиды недолго правили в Афинах. Гиппарх был убит в результате заговора. Гиппий с братом Фессалом бежали в Персию.

⁹ Понт – область на южных берегах Чёрного моря, в северо-восточной части Малой Азии.

Фемистокл начал говорить о том, что было бы неплохо убедить знатных афинян строить вскладчину быстроходные боевые корабли – триеры¹⁰. Описывая превосходство триер над диерами и монерами¹¹, которые до недавнего времени были главной силой в морских сражениях, Фемистокл так увлёкся, что не сразу заметил, что собеседник слушает его стоя.

– Я ухожу, Фемистокл, – с печальной торжественностью произнёс Аристид. – Мне искренне жаль, что нам не удалось договориться... в очередной раз. Я знаю, что твоё честолюбие рано или поздно тебя погубит. Но мне бы не хотелось, чтобы твоя гибель повлекла за собой и гибель нашего государства. Поэтому я был и остаюсь противником всех твоих начинаний, Фемистокл. Прощай!

– Прощай, Аристид, – негромко промолвил Фемистокл, глядя на прямую спину удаляющегося к выходу аристократа.

Придя в спальню и взобравшись на ложе, Фемистокл неловким движением разбудил супругу, которая, проснувшись, тут же спросила, с кем это он так долго беседовал.

– Ты не поверишь, Архиппа, приходил Аристид и набивался мне в друзья, – ответил Фемистокл, широко зевая.

Обычно он никогда не откровенничал с женой. Архиппа усмехнулась:

– Скорее Стесилай родит ребёнка, нежели Аристид станет твоим другом.

Этим замечанием Архиппа желала уколоть мужа, который в молодости увлекался мальчишками, в особенности красавчиком Стесилаем.

Стесилай приехал в Афины с острова Кеос лишь затем, чтобы подороже продать какому-нибудь знатному афинянину свою юношескую прелесть. Впрочем, к Стесилаю был неравнодушен и Аристид. Добиваясь взаимности развратного юнца, который поначалу тянул деньги с них обоих, Аристид и Фемистокл прониклись друг к другу лютой враждебностью, которая отличала их и на государственном поприще. В конце концов Стесилай отдал предпочтение Аристиду, поскольку тот был более знатен.

Стесилай прожил в доме Аристида почти три года, но затем нашёл себе другого покровителя, польстившись на его богатство и закрыв глаза на скверные черты его характера. Аристид же при своей честности и неподкупности был не настолько богат, чтобы сорить деньгами в той мере, в какой этого хотелось бы алчному Стесилаю. Друзья знали, что денежные дела у Аристида пошли из рук вон плохо, когда тот увлёкся Стесилаем. Родня Аристида и вовсе была возмущена слабохарактерностью столь умного мужа, бросившего к ногам похотливого красавчика все свои сбережения.

Когда Стесилай ушёл от Аристида к другому любовнику, многие вздохнули с облегчением, радуясь, что уважаемый всеми гражданин наконец-то избавился от позорившего его клейма сладострастника. Но мало кто знал, что Аристид тайно посылал Стесилаю любовные письма, в которых умолял его вернуться.

Жадный до денег Стесилай однажды продал одно из этих писем какому-то торговцу, имевшему зуб на Аристида, а тот, в свою очередь, перепродал это письмецо Фемистоклу, дабы влезть к нему в доверие. Фемистокл не поскупился и выкупил у Стесилая все письма Аристида, чтобы при случае использовать их с выгодой для себя.

В душе Фемистокл был рад тому, что Стесилай бросил Аристида. Но ещё большую радость ему доставляло осознание того, что Аристид и по сей день мучительно переносит эту разлуку. Подтверждением тому служили письма. Читая их, Фемистокл то хохотал до слёз, то кривился от презрения к человеку, на которого с таким почтением взирают афиняне, в то время как он с заискивающим самоуничижением выпрашивает ласки у проституирующего юнца.

---

¹⁰ Триера – военный корабль с тремя рядами вёсел по каждому борту.

¹¹ Диера и монера – военные корабли с двумя и с одним рядом вёсел соответственно.

Фемистокл и сам пережил душевные муки, когда понял, что ему не удастся долго обладать Стесилаем. Однако опуститься до того, чтобы писать жалобно-слезливые письма, Фемистокл не мог себе позволить. Такое даже не могло прийти ему в голову! Читая интимные послания Аристиды, Фемистокл не столько поражался слабости честнейшего из афинян, сколько гордился своей душевной стойкостью, не позволявшей ему унижаться перед кем попало.

Язвительное замечание полусонной супруги Фемистокл пропустил мимо ушей. С той поры, как он сочетался браком с пылкой и страстной Архиппой, дочерью обедневшего аристократа из рода Ликомидов, в нём напрочь пропало всякое влечение к красавчикам вроде Стесилая.

* * *

Рано утром, направляясь из своего дома в Совет пятисот¹², Фемистокл столкнулся на улице Треножников с невысокой тёмноволосой женщиной, облачённой в длинный карийский хитон¹³. Это была финикиянка Анаис, давняя знакомая Фемистокла. Анаис была из тех женщин, называвшихся диктериадами, которые, по законам Солона, были обязаны за небольшую плату удовлетворять плотские желания свободнорождённых мужчин в специально построенных для этого домах – диктерионах¹⁴.

Первые диктерионы появились в Фалере и существовали за счёт государства. Их обительницами поначалу были только молодые рабыни-азиатки. Заведование диктерионами было поручено особым чиновникам – порнобоскам, которые ежегодно отчитывались за свою деятельность перед государственным казначеем и агораном¹⁵.

Со временем диктерионы появились и в Афинах. В одном из этих заведений тогда ещё не женатый Фемистокл и познакомился с Анаис.

– Тебя долго не было видно, – сказал Фемистокл финикиянке после обмена приветствиями. – Где ты пропадала?

– Неужели ты вспоминал обо мне? – Анаис кокетливо улыбнулась.

– Ты же знаешь, что я не в состоянии тебя забыть после всего того, что было между нами, – проговорил Фемистокл, томно понизив голос. – Я слышал, что тебе удалось выкупиться из диктериона и открыть собственное заведение где-то у холма Муз.

– Да, я теперь владею небольшим диктерионом у Итопских ворот, – уточнила финикиянка. – Это дом бывшего торговца тканями Ктесиоха.

– Помимо тканей Ктесиох приторговывал и египетскими мальчиками, – усмехнулся Фемистокл. – Я его знаю. От дома Ктесиоха начинается дорога из Афин к Фалерской гавани. Теперь-то Ктесиох занимается продажей азиатских рабынь для государственных диктерионов по всей Аттике, а это дело прибыльное.

– Чем ещё заниматься метеку¹⁶, не имеющему почти никаких прав в Афинах. – Фемистокл уловил в голосе Анаис обидные нотки. – Ктесиох, да и я тоже относимся к разряду людей презренных, лишённых права голоса в отличие от благородных афинян!

– Тебя кто-то обидел? – Фемистокл мягко взял Анаис за руку чуть ниже локтя. – Поделись со мной своими печалью. Может, я чем-то смогу помочь тебе. Ведь я ныне как-никак архонт-эпоним!

¹² Совет пятисот – государственный совет в Афинах, которому поручалось ведение важнейших политических дел. В Совет пятисот избирались ежегодно по 50 человек от каждой из десяти афинских фил (общин).

¹³ Обычно хитон (верхняя одежда древних греков) был без рукавов, но карийский хитон имел широкие длинные рукава.

¹⁴ То есть в публичных домах.

¹⁵ Агораном – должностное лицо с полицейскими функциями, осуществлявший надзор за деятельностью рынков.

¹⁶ Метеки – буквально: «переселенцы». Лично свободные люди, переселившиеся в Афины из других областей Греции.

При последних словах Фемистокл слегка приосанился.

– Я хочу пригласить архонта-эпонима в гости, чтобы обсудить с ним одно важное дело, – сказала Анаис, глядя в глаза Фемистоклу. – Но не знаю, снизойдёт ли архонт-эпоним до бывшей куртизанки, которой он, кстати, остался должен восемь драхм¹⁷.

Фемистокл заверил финикиянку, что он не забыл о своём долге. И добавил, что непременно заглянет к ней сегодня вечером.

– А теперь извини, дорогая! – Фемистокл слегка коснулся пальцами нежного подбородка Анаис. – Меня ждут государственные дела.

– Я буду ждать тебя! – бросила Анаис вслед удаляющемуся Фемистоклу. – Но если ты не придёшь, то я не обижусь.

Фемистокл обернулся на ходу и помахал Анаис рукой. Вскоре он скрылся в боковом переулке.

В месяце гекатомбейоне¹⁸ заседания Совета пятисот проводили пританы¹⁹ из филы Леонтиды, так распорядился жребий. К этой филе был причислен и Фемистокл.

Предложение, вынесенное Фемистоклом на обсуждение, едва не вызвало взрыв возмущения среди пританов. А предложение было следующее.

Для постройки большого флота в афинской казне не было денег. Фемистокл предложил пустить на строительство флота серебро из Лаврийских государственных рудников. Эти рудники начали интенсивно разрабатывать сравнительно недавно. Всё добываемое серебро постановлением народного собрания должно было распределяться поровну среди полноправных граждан Афин. Очередная раздача серебра намечалась на текущий месяц.

– Что такое восемь-девять драхм, причитающиеся каждому афинскому гражданину? – говорил Фемистокл, выступая перед пританами. – С этими деньгами невозможно обогатиться, даже стоящего дела на них не откроешь. Зато в своей совокупности лаврийское серебро, пущенное на постройку кораблей, принесёт неоценимое благо Афинам.

Мнения пятидесяти пританов разделились, большинство из них не поддержали Фемистокла. В том числе не поддержал Фемистокла и председательствующий притан Леонт.

Он сказал:

– Для кого-то, может, восемь-девять драхм – ничтожная сумма. Но только не для афинской бедноты. Любой ремесленник или подёнщик будет безмерно рад этим деньгам, ведь ради них многим из афинян приходится трудиться в поте лица два-три месяца, а то и больше. Отнять эти деньги у бедноты – всё равно что вырвать у людей кусок хлеба изо рта!

– Лично я не беден, но и мне лаврийское серебро отнюдь не лишнее, – заметил кто-то из пританов.

Пританы восседали на каменных сиденьях, идущих полукруглым амфитеатром вокруг площадки для ораторов.

– Вот именно! – прозвучал ещё один голос. – Восемь драхм на дороге не валяются!

– На восемь драхм, если не роскошествовать, одна семья может сытно прожить дней двадцать, не меньше, – заметил ещё кто-то из пританов.

Какой-то насмешливый голос тут же вставил:

– Можно, наоборот, на эти деньги закатить роскошнейший обед!

– Либо отдать долг куртизанке!..

Последняя реплика вызвала смех среди пританов.

---

¹⁷ Драхма – греческая серебряная монета.

¹⁸ Гекатомбейон – первый месяц года в древней Аттике. Конец июля – начало августа.

¹⁹ Пританы – 50 членов Совета пятисот, несущие дежурство. 50 пританов из одной филы (общины) занимались текущими бюрократическими делами в течение одного месяца. Далее им на смену приходили 50 пританов из другой филы. Для решения особо важных вопросов Совет пятисот собирался в полном составе.

Фемистокл невольно вздрогнул. Он заметил того, кто это сказал. Это был его давний недоброжелатель Эпикид, сын Эвфемиды.

«Неужели Анаис проговорила кому-то, что я у неё в долгу?! – сердито подумал Фемистокл. – Болтливая сорока!»

Отступать от задуманного Фемистокл не собирался. Со свойственным ему упрямством он вновь принялся убеждать коллегию пританов, чтобы они вынесли его предложение на обсуждение в народное собрание.

– Фемистокл, этим предложением ты сам себе роешь яму, и очень глубокую, поверь мне, – опять заговорил Леонт. – Народ и слушать тебя не станет. Не забывай, афинский демос порой бывает страшен в своём гневе. Тебя могут освистать или закидать камнями, такое уже бывало. Сколько дерзких ораторов в прошлом уходили с Пникса с синяками и ссадинами, скольких из них уносили на руках, избитых и окровавленных.

Фемистокл продолжал стоять на своём.

Леонт пожал широкими плечами, всем своим видом показывая, что Фемистокл не желает прислушиваться к голосу разума и сам выбирает тяжкий жребий.

Народное собрание пританам из филы Леонтиды всё равно пришлось бы созывать, к этому их обязывал закон. По закону экклесия²⁰ созывалась не менее одного раза в месяц, а в некоторых случаях дважды в месяц, если этого требовала государственная необходимость.

Пританам не хотелось выносить на обсуждение предложение Фемистокла, чреватое народным гневом, поскольку возмущение народа могло обрушиться и на них. Однако вес архонта-эпонима в Афинском государстве был таков, что не считаться с ним было нельзя. Пританам из филы Леонтиды пришлось подчиниться воле Фемистокла и внести его предложение в общий список дел, исход которых зависел от результатов народного голосования.

Созыв экклесии был назначен на четвёртый день после нынешнего заседания в пританее.

Обойдя всех своих друзей и изложив им суть задуманного предприятия, Фемистокл вечером оказался возле Итопских ворот. Он без труда отыскал дом бывшего торговца Ктесиоха, над дверями которого теперь красовалась вывеска непристойного характера. На вывеске была изображена голая пышногрудая женщина с распущенными тёмными волосами, которую обнимал обнажённый мужчина. Отчётливо было заметно, что обнажённая красотка явно азиатского племени, а обладающий ею мужчина – эллин.

Заведение называлось «Сладкие объятия». Название диктериона можно было прочесть внизу под рисунком, а также на двери, выкрашенной в белый цвет, с глазком посередине.

Дом Ктесиоха имел два этажа. Это было прочное здание из светлого туфа, залежами которого была богата гора Гиметт, к юго-востоку от Афин. Наложницы-азиатки размещались на первом этаже. На втором этаже, окна которого выходили на широкую Итопскую улицу, жила хозяйка диктериона и её слуги.

Анаис приняла Фемистокла в большой комнате, обставленной и украшенной в финикийском стиле.

Для своих сорока лет Анаис выглядела замечательно, поскольку она не была склонна к полноте и не злоупотребляла вином и жирной пищей. Кожу у себя на лице Анаис разглаживала различными косметическими масками из трав, корней и оливкового масла. С той поры как Анаис выкупила на волю и стала содержательницей публичного дома, она неизменно одевалась по моде замужних афинских аристократок. Ей очень шли греческие одежды и причёски. Волосы у Анаис были густые и длинные.

Фемистокл, усевшись в кресло с подлокотниками, невольно залюбовался очаровательной финикиянкой, с которой в прошлом он провёл немало приятных для воспоминаний ночей.

---

²⁰ Экклесия – народное собрание в древних Афинах.

Годы явно щадили Анаис. Пусть в ней не было былой стройности, зато пышные бёдра и округлая грудь только подчёркивали её тонкую талию и прямую осанку.

– У тебя великолепная посадка головы, моя прелесть, – не удержавшись, сказал Фемистокл. – Это так красиво при такой роскошной причёске! Можно я буду называть тебя божественной?

Анаис польщенно улыбнулась.

– В былые времена, Фемистокл, ты восхищался моими ногами и ещё кое-чем... – заметила финикиянка, кокетливо прикрыв длинными ресницами свои тёмно-карие миндалевидные глаза. – Ныне, как видно, эти части моего тела тебя совсем не занимают. Очень жаль! – Анаис печально вздохнула.

Фемистокл тут же уверил финикиянку, что её ноги и ягодицы нравятся ему, как и прежде.

– Я просто подумал, что тебе как владелице диктериона теперь более приятны для слуха совсем иные комплименты, – промолвил Фемистокл. – А вот обещанные мною восемь драхм.

Фемистокл высыпал на низкий столик горстку серебряных монет.

– Благодарю, – с милой улыбкой сказала Анаис.

– Прости, что я так долго не отдавал свой долг. – Фемистокл слегка прокашлялся в кулак, чтобы скрыть своё смущение. – Честно говоря, я совсем забыл про него. В последнее время на меня свалилось столько дел и забот. Просто голова идёт кругом!

– Вот уж не поверю! – возразила Анаис.

Она придвинула стул почти вплотную к креслу и уселась так, чтобы её колени упирались в колени Фемистокла.

– Сколько я тебя знаю, твоя голова всегда была полна замыслов, больших и маленьких, – продолжила Анаис. – Ты всюду успевал в числе первых, всегда был на гребне событий. Ты даже вино не пил в светлое время суток, чтобы хмель не дурманил твои мысли. Не думаю, что за те два года, что мы с тобой не виделись, ты стал меньше заниматься политикой. «Политика» была твоим любимым словечком даже в постели со мной, Фемистокл. Интересно, обнимая жену на ложе, ты тоже щеголяешь этим словом?

– Ну что ты, божественная! – рассмеялся Фемистокл. – Моя жена рождает мне детей и блюдет мой очаг. О государственных делах я с ней не разговариваю. Зачем? У неё домашних забот хватает. К тому же Архиппе далеко до твоего ума, божественная.

Фемистокл легонько притянул к себе Анаис и нежно поцеловал её в пунцовые уста.

Финикиянке этого показалось мало. Она перебралась на колени к Фемистоклу, обвив руками его шею.

После долгого поцелуя Фемистокл поинтересовался у Анаис, появляется ли в её заведении знатный афинянин Эпикид, сын Эвфемиды.

– Это твой друг? – спросила Анаис.

– Скорее наоборот, – вздохнул Фемистокл.

– Не стану лгать, знатные афиняне у меня бывают редко, – сказала Анаис. – Тех, кто часто сюда заходит, я знаю в лицо, но не по именам. Редко кто из эвпатридов называет своё подлинное имя продажным женщинам. Да это и не нужно. У нас всё просто: пришедший платит деньги и получает удовольствие. Лишние формальности здесь ни к чему.

– Однако я назвал тебе своё имя при первой же нашей встрече, если ты помнишь, – заметил Фемистокл.

– Я помню, – прошептала Анаис. – Ты ещё сказал тогда, что в будущем затмишь славой всех знаменитых афинян, живших до тебя. Ты много мне наговорил в первую нашу встречу, но я всё помню, клянусь Танит²¹. Правда, у тебя частенько не было денег, и я отдавалась тебе в долг под честное слово.

---

²¹ Танит – богиня любви и плодородия, почиталась финикийцами в образе Луны.

Анаис прыснула, прикрыв рот ладонью.

– Разве я тебя обманул хоть в чём-нибудь? – Фемистокл с шутливой надменностью приподнял подбородок.

– Нет, не обманул, – ответила Анаис. – Деньги ты приносил. Со временем вышел в стратеги²². Потом стал заседать в Совете пятисот. Своим ораторским талантом ты затмил всех афинских ораторов, даже Аристида. А ныне ты стал архонтом-эпонимом! Я горжусь тем, что была любовницей столь выдающегося афинянина!

– Почему была? – Фемистокл многозначительно приподнял брови.

– Потому что у тебя больше нет на меня ни времени, ни денег, – без обиды в голосе промолвила Анаис. – Ты хотел стать первым гражданином Афин и стал им. Полагаю, теперь ты можешь найти себе любовницу моложе и красивее меня.

– Юных красавиц в Афинах, конечно, много, но стоит тебе, божественная, обнажить свою дивную грудь – и вся их красота для меня превращается в ничто! – Фемистокл так сильно стиснул финикиянку в своих объятиях, что у той хрустнули суставы.

Анаис невольно вскрикнула.

В следующий миг она заглянула в глаза Фемистоклу и тихо произнесла:

– Идём в мою опочивальню. Увидишь, какое у меня роскошное ложе!

– Отличная мысль, клянусь Афродитой! – согласился Фемистокл.

Долгая разлука напитала их обнажённые тела такой истомой страсти, таким любовным пылом вспыхнули их сердца, что на какое-то время окружающий мир исчез для них, забылись заботы и тревоги. Полумрак спальни, пронизанный косыми лучами закатного солнца, наполнился звуками той лиры, которую во все времена настраивают двое, мужчина и женщина, побуждаемые к этому властным зовом прекрасной Афродиты. Увлечённые друг другом, Фемистокл и Анаис даже не заметили служанку, которая принесла на подносе фрукты и сладости, оставив всё это на трёхногом круглом столе возле ложа. Там же служанка поставила небольшой сосуд с вином и две чаши.

Наконец, Фемистокл бессильно откинулся на подушки с выражением полнейшего умиротворения на лице. Анаис протянула любовнику чашу с вином. Однако Фемистокл отказался от вина. Он попросил у Анаис навощённую дощечку и заострённую палочку для письма.

Анаис выполнила его просьбу, для чего ей пришлось ненадолго покинуть опочивальню.

Присев на край ложа и лениво потягивая вино из чаши, финикиянка глядела на сосредоточенное лицо Фемистокла, что-то выводившего острым стилем на мягком воске. Задумываясь, Фемистокл начинал покусывать кончик костяной палочки. Тогда в его глазах появлялось выражение некоего глубокомыслия, почти отрешённости от суетного бытия.

– Ты несколько не изменился, – улыбнулась Анаис, держа край серебряной чаши у своих губ и слегка покачивая своей обнажённой ногой. – Даже в постели с женщиной ты не расстаёшься со своими грандиозными замыслами. Что ты пишешь, Фемистокл? Очередную речь?

Фемистокл чуть заметно покивал головой, продолжая писать.

– Неужели ты можешь обдумывать речи, даже обладая женщиной? – удивилась Анаис.

– Могу, – буркнул Фемистокл.

– Значит, скоро толпа афинян опять повалит на Пникс... – обронила Анаис, поставив недопитую чашу с вином на стол.

В голосе финикиянки не было ни радости, ни особых восторгов по этому поводу.

Фемистокл заговорил было о том, сколь важной для Афинского государства будет грядущая экклесия, какие большие надежды он связывает с ней, но, заметив, что Анаис это совершенно не интересует, сменил тему.

---

²² Стратег – греческий военачальник.

– Утром при встрече ты сказала, что я нужен тебе по какому-то важному делу. – Фемистокл погладил Анаис по волосам. – Излагай своё дело, милая. Я помогу тебе, чем смогу.

Анаис тесно прижалась к Фемистоклу.

Финикиянка поведала Фемистоклу про свою племянницу Гнафену, которая тоже выкупилась из диктериона и собирается выйти замуж за довольно успешного афинского ремесленника, занятого изготовлением мебели.

– Этого человека зовут Филокл, – молвила Анаис. – В своё время он поставлял столы, стулья и ложа, а также сундуки и ларцы для того диктериона, где Гнафена торговала собой. Там-то они и познакомились. Филокл очень порядочный и трудолюбивый человек, три года тому назад он схоронил жену. Его дом и мастерская находятся на Диомейской улице. Я бывала у него дома и осталась довольна тем, как Филокл ведёт хозяйство. Филокл унаследовал мастерскую от отца как старший сын. У него есть двое младших братьев. Один из них – моряк, а другой недавно стал эфебом²³ и служит теперь в какой-то пограничной крепости. Но главное... – В голосе Анаис прозвучали умилительно-восторженные нотки. – Филокл и Гнафена с первого взгляда полюбили друг друга. Филокл приложил немало усилий, чтобы Гнафена обрела свободу. Родственники Филокла не против его брака с Гнафеной, которую они видели, и она им приглянулась. Однако дабы дети Филокла и Гнафены стали полноправными гражданами Афин, нужно, чтобы моя племянница стала афинянкой через формальное удочерение. Гнафене необходимо попасть в эои, списки свободнорождённых афинянок. Ты понимаешь, о чём я говорю?

– Конечно, понимаю, – отозвался Фемистокл. – Ты подыскала гражданина, который согласится удочерить твою племянницу?

– В том-то и дело, что я никак не могу найти порядочного человека, – посетовала Анаис. – Один мой знакомый афинянин заломил неслыханную цену за свою услугу. Другой пожелал сначала переспать с Гнафеной и лишь после этого удочерить её. Третий готов удочерить мою племянницу при условии, что Гнафена потом целый год будет служанкой у него в доме. Филокл тоже не может никого подыскать. Это тянется уже давно.

– Неужели у Филокла нет надёжных друзей для такого дела? – удивился Фемистокл. – По моему, самое лучшее – искать удочерителя не в Афинах, а где-нибудь в сельской местности. Во-первых, это будет дешевле. Во-вторых, комиссии из Ареопага неохотно выезжают с проверками в сельские демы²⁴, это далеко и утомительно.

– Фемистокл, вся моя надежда на тебя! – Анаис умоляюще сложила руки. – У тебя множество друзей, я знаю. К тому же ты сам ныне власть и все демоты²⁵ подчиняются тебе. Помогите моей племяннице обрести афинское гражданство!

– Хорошо, божественная, я помогу твоей племяннице, – кивнул Фемистокл. – Но и ты, со своей стороны, должна оказать мне небольшую услугу.

– Какую услугу? – насторожилась Анаис.

– Мне нужно, чтобы один мой недоброжелатель, а именно Эпикид, сын Эвфемиды, в день созыва народного собрания задержался в твоём заведении как можно дольше. Только и всего! – Фемистокл небрежно пожал плечами. – Очаруй его своими девушками, Анаис, накачай неразбавленным вином²⁶, хоть к стулу привяжи, но чтобы этого негодяя не было на Пниксе. Вот что мне нужно!

– Я согласна сделать это, Фемистокл, но... – Анаис запнулась. – Но где уверенность, что этот, как его... Эпикид пожалует в мой диктерион именно в день созыва экклесии?

---

²³ Эфеб – в греческих государствах – юноша, достигший 18-летнего возраста и проходивший военную службу.

²⁴ Демы – административно-территориальные единицы в древней Аттике. В каждую филу (родовую общину) входило по десять демов.

²⁵ Демоты (или демархи) – казначеи дема, имевшие полицейские полномочия и взимавшие налоги.

²⁶ Древние греки редко пили чистое вино. Обычно они разбавляли его водой на три четверти.

– Я берусь устроить это, радость моя, – ухмыльнулся Фемистокл. – Эпикид зайвится к тебе в гости ещё накануне вечером, так что у тебя будет целая ночь, чтобы обработать этого мерзавца как следует.

Покуда Фемистокл облачался в гиматий и надевал на ноги сандалии, любопытная Анаис взяла навощённую табличку, пробежав глазами написанное на ней. Она недоумённо пробормотала:

– Фемистокл, ты здесь написал, обращаясь к красавчику Стесилаю, чтобы он навестил Аристид. За это ты обещаешь заплатить Стесилаю аж полмины серебра²⁷! К чему это?

Анаис знала, что в своё время Фемистокл был сильно увлечён Стесилаем. Именно нехватка средств вынудила Фемистокла отказаться от Стесилая и переключиться на продажных женщин. Благодаря этому судьба и свела Анаис с Фемистоклом. В вопросе финикиянки прозвучали ревность и опасение, как бы развратный Стесилай не встал между ней и Фемистоклом.

– Видишь ли, божественная, Аристид – мой самый упорный и опасный противник, – ответил Фемистокл, расправляя на себе складки гиматия. – Для меня будет большой удачей, если Аристид не придёт в народное собрание. Поразмыслив, я решил, что только страсть к Стесилаю, этот незатухающий огонь в сердце Аристид, пересилит в нём желание навредить мне. Пускай себе Аристид развлекается со Стесилаем, лишь бы он не мешал мне проводить в жизнь то, что я задумал.

– А ты хитёр, Фемистокл. Хитёр и коварен! – проговорила Анаис, впрочем без тени осуждения в голосе, скорее даже с восхищением.

– Разве это хитрость? – Фемистокл небрежно усмехнулся. – Это обычная предосторожность, которая никогда не повредит в любом деле.

– А ты не опасешься, что и Аристид, со своей стороны, тоже попытается помешать тебе попасть в народное собрание? – поинтересовалась Анаис. – Вдруг и Аристид захочет предостеречься?

– Этого никогда не будет, божественная, – с неколебимой уверенностью произнёс Фемистокл. – Аристид слишком честен и порядочен для этого. За это Аристид и уважают эвпатриды. Но, клянусь Зевсом, именно честность и неподкупность когда-нибудь погубят Аристид.

* * *

Дом Аристиды находился в той части Афин, которая называлась Колит и располагалась в низине между горой Акрополя и холмом Муз. Этот дом Аристид унаследовал от своего отца Лисимаха, человека знатного и богатого. Благополучие семьи Лисимаха основывалось прежде всего на земельном участке близ Фалерской гавани, там было большое ячменное поле, фруктовый сад, виноградник и оливковая роща. Сельская усадьба после смерти Лисимаха также перешла во владение его единственного сына.

Женившись в сорок лет, Аристид в качестве приданого своей жене взял небольшой дом в городской черте, который он сдавал внаём зажиточным метекам.

Супруга Аристиды происходила из древнего аристократического рода, основателем которого считался Антиох, сын Геракла. Жену Аристиды звали Харикло. Она родила четверых дочерей, две из которых умерли ещё во младенчестве.

Никаких сильных чувств к своей жене Аристид никогда не питал, и Харикло давно смирилась с этим. Если Аристид и испытывал плотское влечение, то не к какой-нибудь женщине, а к красавцу Стесилаю.

---

²⁷ Мина – денежная единица в древней Греции. В описываемое время равнялась 60 драхамм. То есть это намного больше, чем Фемистокл в своё время задолжал Анаис.

Потому-то увидев Стесилая на пороге своего дома, Аристид совершенно растерялся от неожиданности, ибо он уже утратил всякую надежду на взаимность со стороны капризного красавчика. Стесилай не только не отвечал на страстные послания Аристида, но даже всячески избегал его в последнее время.

– Привет тебе, благородный Аристид! – промолвил Стесилай как ни в чём не бывало. – Я шёл мимо твоего дома и решил заглянуть к тебе. Позволишь войти?

Аристид растерялся ещё больше, ослеплённый улыбкой и блеском больших синих глаз Стесилая. Он радушным жестом пригласил в экус²⁸ этого незваного, но столь желанного гостя.

Стесилай держался с той лёгкой развязностью, какая присуща публичной девке, полагавшей, что её красота откроет перед ней любые двери. Стесилай мимоходом оглядывал комнаты, ни на чём не задерживая взгляд. Он лишь изредка бросал одну и ту же фразу: «А тут всё по-прежнему!..»

В комнате для гостей Стесилай облюбовал для себя ложе-клинэ. Такие ложа обычно использовались во время пиршеств, поскольку элины привыкли пировать лёжа возле столов с яствами. Развалившись на ложе и до неприличия обнажив свои женоподобные бёдра, Стесилай стал жаловаться Аристиду на жару и мух, которые изводят его каждый день.

– Надоело мне торчать в душном и пыльном городе! Хочу пожить где-нибудь в загородном имении. У моего нынешнего покровителя неплохая усадьба за городом, но, к сожалению, от неё далековато до моря. А у тебя, Аристид, вилла стоит почти на морском берегу. Вот я и подумал...

Намёк был очевиден. К тому же Стесилай взирал на Аристида с тем вызывающим лукавством, с каким он глядел на него в пору их сладострастной дружбы. От этого взгляда Стесилая у Аристида пересохло во рту, а сердце радостно заколотилось в груди.

Во внешности Стесилая, особенно в его лице, было больше женственности, нежели мужественности. У него были огромные глаза с длинными изогнутыми ресницами, благодаря которым взгляд Стесилая обладал чудесной притягательной силой. Светло-золотистая шевелюра Стесилая вилась пышными кудрями, в обрамлении которых его безусое лицо обретало поистине неотразимую привлекательность. У Стесилая был нежный, округлый подбородок, всегда чисто выбритый. Небольшой рот имел красивую форму, как и прямой нос. Пальцы рук были тонкие и изящные, как у девушки. Кожа на теле, едва тронутая загаром, имела мягкий оливковый оттенок. Телосложения он был удивительно пропорционального, хотя никогда не посещал палестру²⁹ и не ходил на стадию³⁰. На вид Стесилаю было лет двадцать, но на самом деле ему было уже двадцать шесть.

Узнав от верной служанки, что в гости к её супругу неожиданно пожаловал Стесилай, Харикло невольно переменялась в лице. Как она ненавидела этого женоподобного юнца!

Харикло воспитывалась в патриархальной семье, где мужеложство считалось столь же постыдным делом, как и кровосмешение. К тому же Харикло не могла забыть то время, когда развратный Стесилай безраздельно хозяйничал у них в доме, доведя их семью до полного безденежья. От нервного расстройства у Харикло тогда случился выкидыш. Она чуть не умерла. Аристид же не придал этому никакого значения – так он был увлечён Стесилаем!

– Зачем этот негодяй пришёл к нам? – резко спросила Харикло, отложив шитьё.

Две дочери Харикло, находившиеся тут же и игравшие в куклы, разом примолкли и посмотрели на мать, облик которой говорил о том, что она разгневана.

– Зачем ещё может приходить Стесилай, госпожа, – презрительно хмыкнула служанка. – Если диктериады торгуют передом, то этот негодяй торгует задом!

---

²⁸ Экус – комната для гостей в греческом доме.

²⁹ Палестра – от слова «пале» – борьба. Помещение для занятий борьбой и другими физическими упражнениями.

³⁰ Стадий – здесь: площадка для занятий бегом.

– Останься с детьми, Праксифея, – властно обронила Харикло.

Служанка подавила сочувственный вздох, глядя вслед своей госпоже, которая решительным шагом направилась в мегарон³¹.

Харикло была полна решимости выставить Стесилая за дверь. Она собиралась сказать мужу, что они лишь недавно расплатились с долгами, а ненасытный и бессовестный Стесилай опять вгонит их семью в новые долги. Харикло намеревалась воззвать к совестливости Аристида, к его благородству и любви к дочерям. Если Аристиду наплевать на жену, то пусть он подумает о детях!

Однако Харикло опоздала со своими нравоучениями и упрёками. Из-за дверной занавески донеслись знакомые звуки, которые Харикло уже имела возможность слышать несколько лет тому назад. Замерев у дверного полога, Харикло слышала тяжёлое учащённое дыхание Аристида и похотливое постанывание Стесилая. Приученная стыдиться мужской наготы, Харикло не осмелилась войти в экус. Так она и стояла перед дверным пологом, кусая губы от обиды и бессильной злости.

Вдруг с улицы долетел зычный голос глашатая, призывающий граждан спешить на Пникс. Этот призыв был хорошо знаком всем афинянам.

Сердце Харикло учащённо забилося от радости. Она расслышала негромкую, но в то же время очень эмоциональную перепалку между Аристидом и Стесилаем. Аристид хотел отправиться на Пникс. Стесилай же пытался настойчиво его удержать. Красавчик восклицал с обидой в голосе, мол, Аристид разбивает ему сердце и платит чёрной неблагодарностью за его намерение возродить их былые тёплые отношения.

– Что с тобой, Аристид? Я не узнаю тебя! – негодовал Стесилай. – Если уж ты завёл меня, так закончи дело, которое начал столь успешно! Я весь пылаю от страсти!.. Ничего не случится, если ты немного опоздаешь в народное собрание, а то и вовсе не появишься там сегодня. Таких собраний на Пниксе будет ещё великое множество!

– Прости, мой милый, но мне пора уходить, – с нескрываемым сожалением говорил Аристид. – Я не имею права пренебрегать государственными делами, ибо у меня есть принципы, от которых я не отступаю никогда. Ты же знаешь об этом, мой дорогой. Приходи завтра. А ещё лучше останься здесь и дожись меня. Обещаю, мы прекрасно проведём время!

– Нет уж! – обиженно фыркнул Стесилай. – Коль тебе дороже грязная толпа, то меня ты больше никогда не увидишь в своём доме. Оставайся со своими принципами! У меня обожателей хватает и без тебя, Аристид. Прощай!

Харикло поспешно выбежала во внутренний дворик и спряталась за колонну портика³², чтобы Аристид и Стесилай не заметили её. Они прошли через внутренний двор к выходу. Стесилай вышагивал с горделиво поднятой головой. Аристид семенил за ним, униженно выпрашивая прощение. Вид у него был жалкий.

Харикло стало противно от увиденного. Она была озлоблена против Стесилая, торгующего собой. Мужа она просто ненавидела за проявленную слабость. Харикло не могла понять, почему Аристид так унижается перед каким-то ничтожным метеком, не совершившим ничего достойного в жизни!

* * *

Фемистокл и его друзья оказались на Пниксе в числе первых. Это было сделано с умыслом. Находясь подле стражей-скифов, пропускавших к месту собраний только полноправных граждан, Фемистокл делал вид, что помогает коллегии секретарей подсчитывать идущих на

---

³¹ Мегарон – мужская половина в греческом доме.

³² Порттик – крытая колоннада.

собрание афинян. По закону, народное собрание можно было открывать, если на Пникс приходило не меньше половины граждан.

На самом деле Фемистокл, как обычно, блистал своей изумительной способностью запоминать лица людей и их имена. Встречая поднимающихся на Пникс сограждан, Фемистокл чуть ли не каждого второго приветствовал, называя по имени. У многих сограждан Фемистокл знал родственников, родителей и детей, тут же осведомляясь об их здоровье. Причём внимание Фемистокла распространялось не только на знатных афинян, но и на бедноту, которой было неизмеримо больше в Афинах и которая считала Фемистокла своим заступником перед эвпатридами.

По мере того как толпы граждан заполняли плоскую вершину Пникса, рассаживаясь на грубо сколоченных сиденьях и плоских камнях, настроение у Фемистокла заметно улучшалось. Секретари уже насчитали десять тысяч афинян, имевших право голоса. Это означало, что половина граждан пришла на Пникс и отмены собрания не будет. И люди продолжали подходить.

Фемистокла также радовало, что среди пришедших на собрание афинян не было Аристида, Эпикида и ещё кое-кого из аристократов, обладавших даром красноречия. То, что этих ораторов не оказалось сегодня на Пниксе, не являлось случайностью. Фемистокл и его друзья позаботились о том, чтобы различные сложившиеся обстоятельства не позволили самым опасным недоброжелателям народа прийти на сегодняшнюю экклесию.

Наконец, секретари подали знак архонтам³³, что можно начинать процедуру открытия экклесии.

Фемистокл поднялся на возвышение и занял своё место на скамье архонтов рядом с коллегами. Внимательным взглядом он окинул вершину холма, напоминавшую людской муравейник. Его густые светлые брови вдруг сомкнулись на переносье, а на лбу залегли суровые морщины. Фемистокл узнал в одной из припозднившихся фигур Аристида.

Аристид проталкивался туда, где расположились аристократы, выделявшиеся своими яркими одеяниями на фоне неброских плащей простонародья. Самый непримиримый недруг Фемистокла всё-таки вырвался из объятий Стесилая! При всей своей неприязни к Аристиду в этот момент Фемистокл не мог не почувствовать невольное уважение к нему за такой волевой поступок.

Пока шло обсуждение малозначительных дел, в собрании царило спокойствие. Но это было затишье перед бурей, которая разразилась хором негодующих голосов и возмущённых выкриков, едва Фемистокл закончил своё выступление, предложив согражданам отказаться от лаврийского серебра ради сильного афинского флота.

Архонтам с трудом удалось восстановить порядок. Начались прения. Ораторы выступали один за другим: кто-то поддерживал Фемистокла, кто-то нет. Явного перевеса не было ни у сторонников Фемистокла, ни у его противников.

Вот слово взял Аристид.

– Граждане афинские! – громко начал он. – Здесь так много говорилось о доблести и счастье, что если я в своей речи не коснусь того же, то, наверное, буду неверно понят большинством присутствующих. Если вдуматься, к чему призывает нас Фемистокл? Он хочет посадить афинян на суда, отняв у них щит и копье, вручив им взамен весло и корабельный руль. Безопасная морская торговля – это, конечно, большое благо для Афин. Однако наше государство во все времена славилось не оборотистыми купцами, но доблестью предков, выказанной в сухопутных сражениях. Говоря о славе морских побед, Фемистокл намерен унижить афинский народ до гребной скамейки. В своём намерении сокрушить эгинцев Фемистокл забывает, что

---

³³ Архонты – коллегия высших государственных чиновников в древних Афинах, их было девять человек. Избирались сроком на один год.

афиняне побеждали в прошлом и более сильных недругов. Например, халкидян и беотийцев. Причём побеждали их конницей и гоплитами³⁴. Хорошо ли, граждане афинские, отказываться от верного и устоявшегося ради смутного и неопределённого, подумайте сами.

Если на суше наша гоплитская фаланга³⁵ способна победить любого врага, то на море победа часто зависит не от доблести войска, а от ветра и волн. Я знаю, что это бесполезно доказывать Фемистоклу, который в своём упрямстве подобен глухому, поэтому я обращаюсь к вам, граждане афинские. Сегодня Фемистокл желает отнять у народа лаврийское серебро с целью постройки флота. Завтра, если вы, граждане афинские, поддержите его, этот честолюбец обложит поборами не только государство, но и всех вас под предлогом содержания этого самого флота, без которого Афины до сих пор прекрасно обходились.

Речь Аристиды была долгой. После его выступления случился некий перелом. Все ораторы, поднимавшиеся на возвышение, выступали резко против предложения Фемистокла. В основном это были люди знатные и богатые.

Видя, что дело близится к голосованию, на котором всё должно решиться, Фемистокл поднялся на трибуну, чтобы ободрить своих сторонников и постараться своими доводами в пользу флота затмить доводы Аристиды.

– Граждане афинские! – обратился к народу Фемистокл. – Уважаемый всеми Аристид говорил тут о былых победах афинского войска над Халкидой и Фивами. Эти государства, без сомнения, могущественнее Эгины. Однако весь позор нашего положения в том и заключается, что, победив сильных врагов, Афины вынуждены терпеть обиды от врага гораздо более слабого. Покуда такие граждане, как Аристид, с восторгом рассуждают о доблести наших отцов и дедов, в это самое время эгинцы, ни с кем не советуясь и никого не опасаясь, решают, какое торговое судно пропустить к берегам Аттики, а какое задержать. Аристиду и его друзьям-эвпатридам голод нестрашен, поскольку они владеют самой плодородной землёй в Аттике. Нехватка хлеба грозит в первую очередь безземельным и малоземельным афинянам, коих в нашем государстве большинство. В качестве примера, граждане афинские, я хочу привести коринфян, которые тоже являются соседями эгинцев, однако они торгуют, где хотят, и не испытывают перебоев с поставками хлеба, ибо имеют сильный флот. Напомню вам также, граждане афинские, про критского царя Миноса, который, благодаря сильному флоту, установил некогда свою гегемонию по всей Эгеиде. Даже Афины платили Миносу страшную дань юношами и девушками до той поры, покуда храбрый Тезей не избавил наше государство от этого унижительного побора. Не могу не упомянуть и про древнего афинского царя Менесфея, потомка Эрехтея, войско которого ходило на кораблях вместе с Агамемноном и Менелаем осаждать Трою. Ныне афиняне горды тем, что в знаменитой Троянской войне участвовали и наши далёкие предки, родоначальники ионийцев. Но если бы среди советников царя Менесфея оказался бы человек вроде Аристиды, то в гомеровском списке кораблей не было бы вот этих строк:

Сын Петеоса у них был вождём, Менесфей знаменитый,
С кем ни единый из смертных людей не равнялся искусством
В бранный порядок построить коней и мужей-щитоносцев.
Нестор один состязаться с ним мог, – он был старше годами;
Чёрных судов пятьдесят за героем отправились следом...

После выступления Фемистокла началось голосование, которое осуществлялось в собрании афинян простым поднятием рук.

³⁴ Гоплит – тяжелооружённый пеший греческий воин.

³⁵ Фаланга – тесное сомкнутое линейное воинское построение, состоявшее из нескольких шеренг тяжёлой пехоты.

Поделив вершину Пникса на секторы, секретари сначала подсчитали голоса, поданные за предложение Фемистокла, потом были сосчитаны голоса против. У каждого секретаря в руках была навощённая дощечка, куда записывались полученные результаты. В конце концов таблички секретарей переходили к коллегии архонтов, которые и определяли конечный результат голосования.

Итог был таков: предложение Фемистокла было одобрено народным собранием с перевесом в четыреста голосов.

Глава вторая

Казначей богини Афины

Аристид мучительно переживал своё очередное поражение не только потому, что эта победа невероятно возвысила Фемистокла. Печалило Аристида и то, что Стесилай всячески старался сблизиться с Фемистоклом.

И тут судьба вдруг улыбнулась Аристиду, не знавшему, куда девать себя в приступах мрачной меланхолии. Неожиданно умер казначей богини Афины. Незамедлительно были проведены выборы, в результате которых эта должность досталась Аристиду.

Казна афинян хранилась на Акрополе, в сокровищнице богини Афины, покровительницы города. Поэтому государственного казначея афиняне называли попросту – казначеем богини Афины.

Помошниками казначея являлись логисты, их было трое. Как правило, логистов выбирал себе сам казначей, но утверждал их в должности Совет пятисот.

Аристид выбрал себе в помощники людей бескорыстных, как и он сам. Репутация их не была запятнана ничем предосудительным.

Пританы без малейших возражений утвердили в должности новых логистов, несмотря на то что один из них доводился Аристиду дальним родственником. Это было не совсем законно. Однако авторитет честнейшего из афинян стал для пританов самой надёжной поручкой.

Казнокрадство было бичом всех государств древности. Страдали от этой беды и Афины. Несмотря на огромные штрафы, конфискации имущества и наложение атимии³⁶ на уличённых в хищении государственных денег, искоренить это зло никак не удавалось.

Аристид приступил к исполнению своих обязанностей с присущей ему добросовестностью. В первый же день, проверяя отчётность своего умершего предшественника, Аристид обнаружил большую недостачу в части выплат за аренду государственной земли и помещений. Все денежные суммы, поступавшие в казну, заносились на особые пронумерованные медные таблички. На такие же таблички заносились и расходные суммы. Золото и серебро, поступавшее в казнохранилище, раскладывалось по сундукам, тоже пронумерованным. Для каждого месяца текущего года имелся свой сундук. Проверка всех сундуков и медных табличек показала, что деньги из казны просто-напросто уходят направо и налево.

После тщательного обыска в казнохранилище Аристиду и его помощникам удалось отыскать тайник, где были спрятаны чеканные серебряные монеты на сумму в семь талантов³⁷. Там же была обнаружена навощённая табличка, на которой, по всей видимости, сохранилась запись чистых денежных поступлений за прошедшие полгода, а также были указаны истинные расходы и суммы, присвоенные незаконным путём. К этим махинациям оказались причастными помимо покойного казначея Софенета многие другие граждане. Аристид несколько не удивился, увидев в этом списке имя Фемистокла, сына Неокла.

Очень скоро Аристиду стало ясно, что в хищении государственных денег участвовали и логисты, состоявшие при покойном Софенете. Все трое оказались в том потайном списке. Один из этих проворовавшихся логистов, по имени Эвмел, был давним другом Фемистокла и уже привлекался к суду по обвинению в подделке какого-то завещания. Правда, благодаря красноречию Фемистокла Эвмелу удалось тогда выпутаться.

«Поглядим, поможет ли Фемистокл Эвмелу на этот раз! – злорадно усмехнулся про себя Аристид. – Интересно, как станет выпутываться сам Фемистокл, оказавшийся в компании отъявленных казнокрадов!»

---

³⁶ Атимия – процедура лишения гражданских прав.

³⁷ Талант – здесь: денежная единица. Талант равнялся 100 минам.

Семья покойного Софенета надеялась, что государство возьмёт на себя все расходы, связанные с погребением столь знатного гражданина. В молодости Софенет был победителем на Истмийских играх³⁸, а в зрелые годы он дважды удостоивался чести заседать в пританее. Помимо этого покойный Софенет отличился в Марафонском сражении. Будучи раненым, он не покинул боевой строй. Однако вместо ожидаемой денежной помощи от государства старшему сыну Софенета пришлось держать ответ перед судебным следователем по обвинению его покойного отца в крупном хищении государственных средств.

Судебное разбирательство было затеяно Аристидом, который припёр к стенке бывших логистов, пособников Софенета. За такое преступление вороватым логистам грозило изгнание из отечества и конфискация имущества. Поэтому нечистые на руку логисты валили всё на покойного Софенета, а также на Фемистокла, который, по их словам, распорядился государственными деньгами как хотел.

Аристид действовал решительно и без промедления. Вскоре вызов в суд получил и Фемистокл.

Главным обвинителем выступал не столько Аристид, сколько Эвмел, желавший таким способом облегчить свою вину. Помогали Аристиду вести расследование и двое других логистов, замешанных в хищениях наравне с Эвмелом. Через их показания удалось значительно расширить круг людей, причастных к хищениям государственных денег. Среди этих людей оказалось немало аристократов, на первый взгляд имевших безупречную репутацию. Это неизменно изумило и огорчило Аристида. Более всего Аристида поразило то, что все эти люди исключительно из корыстных побуждений помогали Фемистоклу проводить в жизнь его Морскую программу. Хотя в народном собрании все они, как истые эвпатриды, голосовали против предложения Фемистокла о строительстве большого флота.

Оправдывая прозвище Справедливого, Аристид предъявил обвинение и своим единомышленникам-аристократам, невзирая на дружбу с ними. Кое-кто из фесмофетов³⁹, обычно председательствующих на суде, счёл своим долгом предостеречь Аристида. Мол, дело пахнет большими неприятностями.

Уже то обстоятельство, что Аристид собрался привлечь к суду архонта-эпонима, состоящего в должности, а вместе с ним ещё троих проворовавшихся логистов, наделает немало шума в Афинах.

Если вдобавок к этому начнётся судебный процесс ещё и над эвпатридами из столь почтенных семейств, тогда и вовсе получится неслыханный скандал. Всё это может выйти боком прежде всего самому Аристиду. Народ озлобится на него за преследование Фемистокла, любимца демоса. Знать же обидится на Аристида за то, что он, желая выглядеть честным, топит в одной луже и друзей и врагов.

Так говорили Аристиду многие его сограждане, вынужденные по должности заниматься этим расследованием. Эти люди были бы признательны Аристиду, если бы он не стал предъявлять обвинение Фемистоклу, изворотливость которого была всем хорошо известна. Судебные следователи с радостью согласились бы произвести дознание у трёх несчастных логистов, взвалив всю вину на них и на покойного Софенета.

Однако Аристид упрямо стоял на своём. Он будет в полной мере следовать закону, никому не делая ни уступок, ни поблажек.

– Если мои проворовавшиеся друзья невзлюбят меня за то, что я привлёк их к суду, значит, в душе они заранее были готовы к тому, что ради них я соглашусь преступить закон, – говорил Аристид. – В таких друзьях я не нуждаюсь. Я не хочу, чтобы афиняне полагали, будто

---

³⁸ Истмийские игры – состязания, проводившиеся на Истме близ Коринфа начиная с 582 года до н. э. Проводились в честь Посейдона.

³⁹ Фесмофеты – буквально: «законодатели». Коллегия фесмофетов состояла из шести человек и избиралась ежегодно вместе с архонтами. Фесмофеты занимались правовыми вопросами и вели уголовные дела.

я придираюсь к Фемистоклу из неприязни к нему. Но афиняне так и подумают, если я вдруг закрою глаза на преступления своих друзей-аристократов и займусь только делом Фемистокла.

Впрочем, говоря так, Аристид слегка кривил душой. Неприязнь к Фемистоклу владела им всю жизнь.

Аристократы, которым было предъявлено обвинение в хищении государственных денег, через своих родственников и друзей всячески старались воздействовать на Аристида. Понимая, что Аристид не возьмёт денежную взятку, эти люди старались разжалобить его, кто-то взывал к его великодушью. Каждый день с раннего утра у дверей Аристидова дома толпились просители, не гнушавшиеся самой беззастенчивой лести и жалобных стенаний. Это раздражало Аристида, который полагал, что знатный человек обязан быть честным. Если всё же эвпатрид провинился перед законом, то ему надлежит с достоинством принять наказание, не прибегая к попыткам разжалобить судей.

Однажды под вечер в гости к Аристиду пожаловал Фемистокл.

Аристид несказанно удивился этому визиту и уже восторжествовал в душе, надеясь услышать из уст Фемистокла призывы к жалости и состраданию.

Однако Фемистокл повёл речь о другом.

– Сейчас ты находишься между двух огней, Аристид, – начал он, – и рискуешь сгореть. Ты затеял дело, с одной стороны, законное, а с другой – нелепое и ненужное. Посуди сам...

Аристид раздражённо прервал Фемистокла:

– Это я уже слышал! Ты, погрязший в воровстве и интригах, будешь учить меня жизни?! Твои речи годятся для воров и негодяев. У меня совсем другие принципы.

– Я не собираюсь учить тебя жизни, Аристид, – невозмутимо продолжил Фемистокл. – Я хочу лишь предостеречь тебя...

– Тронут твоей заботой! – резко бросил Аристид. – Но мне кажется, что тебе сейчас лучше поразмыслить, как избежать наказания за воровство, сын Неокла. Ты же приходишь с нравоучениями к честным людям. Мне смешно на тебя смотреть, клянусь Зевсом!

– А мне становится грустно при взгляде на тебя, сын Лисимаха, – сказал Фемистокл. – Ты изображаешь из себя справедливейшего из людей и при этом в государственных делах не видишь дальше своего носа. Нашему государству давно пора усилиться на море, чтобы впредь не страшиться набегов с Эгины и не испытывать перебоев с подвозом понтийской пшеницы. Я не стану отрицать, что брал деньги из казны сверх сметы. Но разве я на эти деньги построил себе новый дом, купил четвёрку лошадей для участия в Олимпийских играх или подарил жене золотые украшения? Эти деньги пошли на постройку флота. Не скрою, мне приходилось давать взятки подрядчикам и торговцам корабельным лесом, но и это было ради пользы дела. В наше время без взяток не обойтись. Ты зря усмехаешься, Аристид. Честным и неподкупным хорошо быть, сидя в кресле главного казначея, не вникая в государственные нужды.

– Фемистокл, если то же самое ты скажешь на суде, то это тебе не поможет, – заметил Аристид. – Полагаю, ты сам это понимаешь.

– Понимаю, – согласился Фемистокл. – Потому и пришёл к тебе домой, чтобы договориться миром.

– О чём договориться? – удивился Аристид.

– Ты прекращаешь судебное расследование, я же, со своей стороны, обещаю тебе должность притана на следующий год, – промолвил Фемистокл.

– Разве назначением на столь важную государственную должность распоряжаешься ты один, Фемистокл? – съязвил Аристид. – Разве в Афинах ныне не демократия, а тирания?

– Ты знаешь, Аристид, у меня много друзей, а также есть немало влиятельных людей, которые многим мне обязаны, – сказал Фемистокл. – В отличие от тебя, я дорожу дружбой, поэтому имею возможность влиять на жеребьёвку и распределение голосов при распределении государственных должностей. Подумай, Аристид. Моё предложение верное!

– И думать не стану! – сердито отрезал Аристид. – Ты приобрёл большое могущество, обворовывая государство и потакая толпе. Поглядим, хватит ли твоего могущества, чтобы оказаться сильнее закона. Ступай, Фемистокл! Нам не о чем больше разговаривать!

Перед тем как уйти, Фемистокл не удержался и обронил:

– Знаешь, какая между нами разница, Аристид? Я – друг закона, а ты – его раб. Два друга всегда смогут договориться. А вот господин и раб – никогда. Скоро ты на себе почувствуешь, что афинские законы столь же несовершенны, как и афинская демократия.

Аристид сдержал себя, не желая вступать в полемику с Фемистоклом. К тому же он сознавал, что ему не удастся убедить своего извечного соперника в том, что законы Клисфена гораздо совершеннее древних законов Драконта и Солона.

Прошло чуть более месяца после этого разговора.

Неожиданно случилось то, чего Аристид никак не ожидал. Судебный процесс продемонстрировал ему несовершенство афинского законодательства и в полной мере подтвердил правоту Фемистокла. Благодаря хитростям и уловкам Фемистокл сумел и дело повернуть в нужное ему русло, и судей запутать длинными речами, и даже влезть в доверие к аристократам. Эвпатриды обратились за помощью к Фемистоклу, видя, что Аристид не собирается им помогать. Наоборот, он старается не замечать тех, кого ещё недавно называл своими друзьями.

Сначала состоялся суд над проворовавшимися логистами, двое из которых свалили всю вину на покойного Софенета. В результате огромный штраф пришлось выплачивать старшему сыну Софенета. Третий из логистов, Эвмел, отделался незначительным штрафом, поскольку его защищал лучший друг Фемистокла Эпикрат, поднаторевший в делах такого рода.

Аристид поначалу решил, что Эпикрат пребывает во вражде с Фемистоклом, ибо на суде он всё валил на архонта-эпонима, выгораживая Эвмела. На самом же деле Эпикрат переиграл и Аристида, и судей.

Казалось, Фемистоклу теперь придётся туго, ведь груз обвинений против него был слишком велик. Однако Фемистокл с блеском выпутался из сложнейшей паутины обвинений. По сути дела, ничего не отрицая, Фемистокл настроил в свою пользу большинство присяжных, разглагольствуя о том, как много сил им было потрачено на постройку флота, благодаря которому афиняне скоро будут господствовать на море. Председатель суда был явно настроен против Фемистокла. Но среди присяжных заседателей преобладали люди из афинской бедноты, для которых Фемистокл являлся кумиром. Присяжные приговорили Фемистокла к такому ничтожному штрафу, что Аристид от возмущения даже потерял дар речи.

Домой из гелиэи ⁴⁰Аристид пришёл, еле сдерживая клокотавшую в нём ярость. Он наорал на слуг и за обедом излил супруге всё своё невысказанное в суде недовольство.

– Прав был Солон, утверждавший, что судить и властвовать должны люди знатные, получившие это право от богов, самых первых устроителей Афинского государства, – кипятился Аристид. – При Солоне так и было. А ныне в суде заседают голодранцы, неучи и мужланы! Любой мало-мальски обученный оратор способен обвести вокруг пальца этих горе-судей и выиграть процесс. Для этого немного надо: ругай эвпатридов и превозноси свои заслуги перед демосом! О Фемида! Ты и впрямь слепа, если позволяешь негодьям вроде Фемистокла трактовать законы себе в угоду и дурачить суд. Сегодня Фемистокл обворовал государство на двадцать талантов и убедил присяжных в своей невиновности. Завтра этот мерзавец обворует афинскую казну уже на пятьдесят талантов, а тупоголовые присяжные будут стоя рукоплескать ему, восхищённые его речью о величии Афин!

Кусок не лез в горло Аристиду. Он придирался к поварихе, говоря, что лепёшки пригорели, рыба несвежая, а сыр твёрдый, как камень!

⁴⁰ Гелиэя – народный суд в Афинах.

Досталось от Аристиды и законодателю Клисфену, который, по его мнению, совершил непростительную ошибку, отняв гражданское судопроизводство у Ареопага и передав его в народный суд – гелиэю. Злость распирает Аристиду от осознания того, что Фемистокл опять вышел сухим из воды, а виноватым оказался покойный Софенет, за которого теперь отдувается его старший сын.

Судебные процессы грозили затянуться ещё на несколько месяцев, поскольку в списке обвиняемых числилось ещё много людей. Однако в Аристиде что-то надломилось. В нём уже не было прежнего рвения докапываться до истины, так как он видел, что всё отдано в руки случая, а не правосудия. Аристид закрыл глаза на то, как его друзья-аристократы, проходившие по обвинению, скрывают улики, договариваются с судебными следователями о снисхождении, суют взятки направо и налево. Часть улик Аристид уничтожил сам, устав от назойливых просителей. Шум вокруг процесса и вовсе стал стихать после того, как Аристид снял обвинение с самых знатных обвиняемых. Народ, не получивший любимого зрелища, когда выносятся суровые приговоры отпрыскам из знатных семей, был разочарован Аристидом и выражал ему своё недовольство. Эвпатриды, наоборот, расточали похвалы Аристиду, радуясь тому, что он вовремя одумался.

Аристиду же были одинаково неприятны и гнев народа, и признательность эвпатридов, поскольку он впервые в жизни пошёл на сделку с совестью.

Но самый страшный удар ожидал Аристиду по окончании срока его полномочий как главного казначея. Фемистокл предъявил ему обвинение в растрате государственных денег. Специальная комиссия сделала проверку. К изумлению Аристиды, выяснилось, что в казне действительно имеется небольшая недостача. Дело дошло до суда. Несмотря на всё красноречие Аристиды, присяжные присудили его к выплате огромного штрафа и конфискации имущества. Так народ мстил Аристиду за преследование им Фемистокла и за снисхождение с его стороны к проходившим по этому же делу эвпатридам.

Аристид был унижен и раздавлен. Афинское правосудие казалось ему каким-то злобным фарсом! Фемистокл, укравший из казны двадцать талантов, отделался ничтожным штрафом. Аристид же, не взявший из казны ни обола⁴¹ и пострадавший из-за недобросовестности одного из своих помощников, присвоившего горсть серебряных монет, получил в итоге самое суровое наказание.

Судебная комиссия уже отправилась производить опись имущества Аристиды, когда лучшие из афинских граждан возмутились. Их возмущение достигло такого накала, что Аристид был немедленно оправдан и даже вновь назначен на должность главного казначея. Однако Аристид решительно отказался от должности. Он произнёс перед согражданами речь, полную обиды и недовольства существующим положением вещей в Афинском государстве.

– Когда я старался следовать закону и покарать главного вора – Фемистокла, то на меня ополчились и бедные и богатые, – с горечью говорил Аристид. – Фемистокл, укравший из казны двадцать талантов, по сути дела, был помилован присяжными. А я из-за недостачи в несколько драхм был опозорен на все Афины. Теперь, спохватившись, сограждане удостаивают меня честью опять стать казначеем. Однако я сам отныне стыжусь этой чести и сожалею о вас, граждане афинские, ибо вы охотнее одобряете того, кто угождает негодьям, нежели того, кто охраняет государственную казну. Наша демократия более похожа на червивое яблоко. Причём сами черви, разъедающие его, громогласно возмущаются тем, что всё вокруг подвержено наговорам, воровству и подкупу. А кто виноват в этом? Виноват, оказывается, я, поскольку стремлюсь быть честным и следовать закону.

---

⁴¹ Обол – очень мелкая монета. Шесть оболов составляли одну драхму.

Когда Аристид умолк, то площадь перед зданием пританея, полная народа, хранила глубокое молчание. Тысячи собравшихся здесь афинян словно разом онемели. И только Фемистокл с кучкой друзей, среди которых были Эвмел и Эпикрат, рукоплескали Аристиду.

Этим рукоплесканием Фемистокл хотел напомнить Аристиду их разговор о несовершенстве афинского законодательства. И Аристид это понял.

Он удалялся с площади с высоко поднятой головой, люди расступались перед ним. Кто-то выкрикивал похвалу Аристиду, кто-то просил у него прощения, кто-то заверял его в своей дружбе... Но Аристид никому не отвечал. И хотя лицо его было непроницаемо, в голове крутились гневные мысли: «Сборище воров, льстецов и завистников! Сейчас вы меня превозносите, а три часа тому назад были готовы топтать меня ногами! Вы готовы восхищаться моей честностью только при условии, что я не буду мешать вам расхищать государственное добро. Воистину, вам следует жить по законам Драконта⁴², а не по законам Клисфена. Только страх перед смертной казнью удержит негодяев всех мастей от воровства и нарушения законов!»

---

⁴² Драконт – афинский законодатель, при котором в 621 году до н. э. были составлены необычайно суровые законы, каравшие смертью как за убийство и грабёж, так и за мелкую кражу.

Глава третья

Остракизм

После всего случившегося неприязнь между Аристидом и Фемистоклом переросла в откровенную вражду. Аристид считал своим долгом отплатить Фемистоклу за козни, с помощью которых тот унизил его. И главное, Аристид старался помешать любым начинаниям Фемистокла, желая уменьшить его всё возрастающее влияние на толпу. Пусть лучше народ, полагал Аристид, оставит без внимания нечто полезное для государства, лишь бы Фемистокл не стал всемогущим, одерживая на собраниях победу за победой.

Порой Аристид обращался к народу через подставных лиц, дабы Фемистокл из чувства соперничества не помешал ему осуществить задуманное. Как-то раз Аристид взял верх над Фемистоклом, когда тот действовал разумно и целесообразно. Уходя из собрания, Аристид не сдержался и сказал, что афиняне до тех пор не будут в безопасности, пока не сбросят в пропасть его и Фемистокла.

Сказанное сгоряча Аристидом в тот день запомнилось многим афинянам, в том числе архонтам и фесмофетам.

Непрекращающееся соперничество Аристида с Фемистоклом сеяло вражду между демосом и эпатридами, сходки граждан на Пниксе часто превращались в кулачные потасовки. Дабы разрядить враждебную обстановку в городе, архонты сделали запрос в народном собрании: не пора ли провести голосование черепками.

Такое голосование называлось остракизмом, поскольку черепок от разбитой глиняной посуды называется по-гречески «остракон». Остракизм не считался наказанием за какой-нибудь низкий поступок. В кодексе афинских законов остракизм назывался вынужденной мерой для «усмирения гордыни и чрезмерного могущества кого-либо из граждан». По сути дела, остракизм являлся средством уменьшения ненависти между гражданами, причём средством довольно милосердным. Чувство недоброжелательности находило себе выход не в чём-то непоправимом, но лишь в десятилетнем изгнании того, кто это чувство вызывает.

И вот, сойдясь со всей Аттики в Афины, люди стали писать на черепках имя того гражданина, влияние которого, по их мнению, наносит вред государственным делам. Всем было понятно, что самых влиятельных граждан всего двое: Аристид и Фемистокл. Поэтому каждому голосующему нужно было нацарапать на черепке имя того или другого.

Во время этой процедуры какой-то неграмотный селянин случайно столкнулся с Аристидом, протянул ему черепок и попросил написать имя Аристида. Тот удивился и спросил незнакомца, не обидел ли его Аристид каким-нибудь образом. «Нет, – ответил селянин. – Я даже ни разу не видел этого человека, но мне надоело слышать на каждом шагу, как все его называют справедливым!» Аристид ничего не ответил на это, молча написал своё имя и вернул черепок.

Сначала архонты подсчитали, сколько всего набралось черепков. Если их набиралось не меньше шести тысяч, тогда остракизм признавали состоявшимся. Затем все имена, написанные на черепках, раскладывали порознь. Чьё имя повторялось наибольшее число раз, тот гражданин подлежал изгнанию на десять лет без конфискации имущества.

К изгнанию приговорили Аристида.

Уже покидая город, Аристид воздел руки к небу и взмолился о том, чтобы для афинян не наступил тяжёлый час, который заставит их вспомнить о нём.

* * *

Коротать десятилетнее изгнание Аристид отправился на остров Эвбею. В тамошнем городе Эретрии жил его давний друг и гостеприимец ⁴³Эсхин, сын Нофона. Свою семью Аристид взял с собой. В Фалерской гавани Аристид и его домочадцы поднялись на торговый афинский корабль и ранним весенним утром покинули землю Аттики. Присматривать за своим домом и загородной усадьбой Аристид поручил двоюродному брату Пасиклу.

Остров Эвбея был самым большим из всех островов Эгейды. От Аттики Эвбею отделял узкий пролив. В горах Эвбеи добывали прекрасный белый камень для постройки домов и храмов. На обширных пастбищах острова разводили местную породу выносливых низкорослых лошадей.

Большую часть Эвбеи издревле населяли родственные афинянам ионийцы. На северной оконечности острова жили абанты, древний народ, некогда населявший всю Эвбею.

От Фалера до Эретрии даже тихоходное судно добиралось за полдня.

Прощаясь на берегу с друзьями и родственниками, Аристид выглядел спокойным и невозмутимым, как всегда. Но едва корабль вышел в море и скалистый берег Аттики стал отдаляться, постепенно превращаясь в далёкую гряду горных вершин, подёрнутых туманной дымкой, спокойствие Аристида сменилось приступом сильнейшего отчаяния.

Спустившись под палубу, в тесное, низкое помещение на корме, Аристид дал волю слезам, которые неудержимо полились у него из глаз.

Харикло, обеспокоенная долгим отсутствием мужа, тоже сошла вниз под палубу, оставив дочерей на попечение служанки. Вид рыдающего Аристида до такой степени поразил Харикло, что она просто остолбенела на несколько мгновений. Затем Харикло вернулась обратно на палубу, не сказав супругу ни одного утешительного слова и не в силах подавить в себе злорадное удовольствие. Мстительная Харикло не могла простить Аристиду его увлечение Стесилаем. Также Харикло негодовала на мужа за его неудачное соперничество с Фемистоклом. Из-за этого Харикло была вынуждена уехать из Афин, разделяя печальную долю Аристида. Дочерям Харикло предстояло стать невестами в чужом городе без всяких надежд на выгодный брак.

Харикло выросла в семье, где выгода и богатство ставились выше честности и порядочности. Отец Харикло был аристократом. Поскольку она не блистала красотой, да к тому же была вспыльчива и своенравна, все завидные женихи обходили её стороной. Харикло уже перевалило за двадцать, когда наконец состоялась её помолвка с Аристидом. Об этом похлопотал дядя Аристида со стороны матери, поскольку его отца к тому времени уже не было в живых. Аристид был старше Харикло на двадцать лет. Он тоже находился в ситуации, когда ему нужно было срочно жениться, чтобы не остаться вечным бобылём.

Семья Аристида после смерти его отца прозябала в бедности, однако предки были весьма знамениты в Афинах. О самом Аристиде шла молва как о честнейшем из афинян. Потому-то Афинагор, отец Харикло, согласился выдать свою дочь за Аристида. Афинагор надеялся, что со временем его зять разбогатеет, занимая высшие государственные должности.

Один из сыновей Афинагора был убит в пьяной драке, другой дважды проходил по суду за мелкое мошенничество. Никакой надежды, что его младший сын станет купцом или стратегом, у Афинагора не было. Поэтому он радовался за дочь, супруг которой неизменно первенствовал в народном собрании и в Совете пятисот. Афинагор не мог и предположить, что соперничество с Фемистоклом закончится для Аристида так плохо.

---

⁴³ Граждане различных греческих государств заключали между собой союзы гостеприимства. Благодаря таким союзам человек, приехавший в чужой город, находил кров и покровительство у своего ксена, то есть «гостеприимца».

Расставаясь с дочерью и внучками на пристани, Афинагор с трудом сдерживал слёзы. Честность Аристида теперь казалась алчному Афинагору не достоинством, а худшим из недостатков. Он не замедлил высказать это в лицо своему зятю. Таким неприятным для изгнанника оказался отъезд.

Зато в Эретрии Аристида встретили, как дорогого гостя. Местные жители не забыли, что после разорения их города персами семь лет тому назад именно Аристид убедил афинское народное собрание способствовать восстановлению Эретрии. Афиняне ссудили разорённых войной эретрийцев деньгами, помогли им заново построить храмы и городскую стену. Немало афинских каменщиков трудились в Эретрии, возводя на месте развалин новые дома и портики. Поскольку персы угнали в рабство многих эретрийцев, власти обезлюдевшего города стали призывать выходцев из Аттики и с других островов переселяться во вновь отстроенную Эретрию. Всем переселенцам были дарованы права гражданства.

Дом Эсхина, Аристидова друга, стоял в самом центре города, близ рыночной площади. В этом квартале Эретрии жили в основном зажиточные граждане. Дома здесь стояли плотно друг к другу, теснясь на плоской вершине обширного холма. Единственная широкая улица тянулась от южных городских ворот через кварталы бедноты и далее мимо домов знати к агоре⁴⁴. Эта улица называлась Дромос, поскольку в глубокой древности здесь проводились состязания в беге⁴⁵.

Другая столь же длинная, но не столь широкая и прямая улица пересекала Эретрию с запада на восток. Эта улица называлась Скиада, что значит «Тенистая». Вдоль Скиады росли дубы и буки, а также кипарисы и платаны, вырубать которые было запрещено законом. В месте пересечения Скиады и Дромоса находилась главная площадь. Там стояло здание Совета и проходили народные собрания.

Эсхин, сын Нофона, довольно часто бывал в Афинах, неизменно останавливаясь в доме Аристида. В отличие от своего друга, Аристид побывал в Эретрии лишь раза три, он не любил дальние поездки.

В первые дни пребывания Аристида в доме своего гостеприимца сюда зачастили не только друзья и родственники Эсхина, но и государственные мужи Эретрии. На Аристида обрушился поток из соболезнований и утешительных слов. Звучали из уст эретрийцев и откровенно враждебные речи против Фемистокла и афинского народного собрания. Друзья Эсхина недоумевали, почему афиняне отправили в изгнание самого честного из своих граждан, закрыв глаза на многие недостойные поступки Фемистокла. Кое-кто из эретрийцев открыто насмеялись над законами Клисфена, который ввёл процедуру ostracism в политическую жизнь Афин.

– Получается, что честность в Афинах ныне не в чести! – переговаривались между собой эретрийцы. – Можно заниматься подкупам и обманом, по примеру Фемистокла, но при этом угождать толпе и стоять выше закона. Клисфен недооценил ненависть народа к эвпатридам, вручив народному собранию такое сильное оружие, как ostracism. Дело дошло до смешного: самый справедливый и неподкупный из афинян отправлен в изгнание только потому, что он – аристократ и соперник Фемистокла!

В конце концов Аристиду надоели частые гости в доме, его начали утомлять и раздражать рассуждения совершенно посторонних людей о несовершенстве афинского законодательства, о произволе толпы и бессилии Ареопага. Звучавшее в речах эретрийцев сочувствие и вовсе выводило Аристида из себя. Ему хотелось тишины и покоя, чтобы привести в порядок мысли и наметить новую цель в жизни.

---

⁴⁴ Агора – рыночная площадь.

⁴⁵ Дромос – в буквальном переводе с древнегреческого языка «беговая дорожка».

Узнав, что у Эсхина имеется загородный дом, Аристид уговорил своего ксена позволить его семье поселиться там на летние месяцы. Эсхин не стал возражать. Он предоставил Аристиду повозку и мулов для переезда за город.

Селение Амаринф лежало в семи стадиях ⁴⁶от Эретрии. Здесь находилось святилище Артемиды Амаринфской. Каждый год в конце лета сюда направлялась из Эретрии торжественная процессия. В Амаринфе проводились состязания атлетов и певцов в честь Артемиды, покровительницы здешнего лесистого края.

Амаринф хоть и считался селением, но более походил на тихий городок, застроенный добротными домами из белого известняка. Почти к каждому дому примыкал небольшой тенистый парк. Здесь повсюду росли липы, каштаны, кипарисы, а также фруктовые деревья. Улочки Амаринфа были вымощены обломками мраморных плит. Тут имелось несколько мастерских по обработке камня. Все отходы от своего производства местные каменотёсы пускали на благоустройство Амаринфа. Даже сточные канавы здесь были выложены белым мрамором и известняком.

Аристиду очень понравилось на новом месте. Здесь было тихо и спокойно, в отличие от шумной многолюдной Эретрии. В Амаринфе имели загородные усадьбы многие эретрийские аристократы.

Дом Эсхина в Амаринфе имел два этажа. К дому примыкал парк с прудом, а также конюшня и различные кладовые. За усадьбой приглядывал вольноотпущенник Эгир, который жил здесь с женой и дочерью.

Каждое утро спозаранку Аристид отправлялся на прогулку по окрестностям Амаринфа. В каждом склоне холма, в каждом повороте дороги, в каждой кипарисовой роще Аристид невольно старался отыскать сходство с милыми его сердцу аттическими пейзажами. Природная любознательность заставляла Аристида вступать в беседу с первым встречным, будь то зажиточный селянин или бедный подёнщик. Более всего, Аристид любил беседовать с людьми, которые по роду своей деятельности переезжали с места на место. От них Аристид узнавал, что происходит в Греции и на островах Эгеиды. Особенно жадно Аристид ловил слухи, приходившие из Афин. Поговорив в таверне или на улице с каким-нибудь моряком или торговцем, побывавшем в Аттике, Аристид возвращался домой в приподнятом настроении. Он тут же делился новостями с женой, зная, что она тоже тоскует по Афинам.

Вскоре жители Амаринфа и близлежащих деревушек научились издали узнавать Аристида, многие знали его по имени. Доброжелательность Аристида располагала к нему людей, которые были рады оказать ему любую услугу. Маленькие дочери Аристида каждое утро с нетерпением ожидали отца с прогулки, зная, что он редко приходит домой с пустыми руками. Селяне постоянно одаривали Аристида, чем были богаты сами. Аристид приносил дочерям орехи, изюм, сушёную рыбу, мёд, фрукты... Однажды он принёс кувшин козьего молока, чем несказанно удивил свою жену.

– Ну вот, мой дорогой, – смеясь, промолвила Харикло, – наконец-то ты из оратора превратился в кормильца для своей семьи. Изгнание определённо пошло тебе на пользу.

Живя в Афинах, Харикло привыкла к тому, что Аристид мало обращает внимания на неё и детей. Бывало, что Харикло не знала, чем накормить дочерей, поскольку в доме совсем не было денег, а брать деньги в долг Аристид считал делом постыдным. В таких случаях Харикло выручали её родственники. Однако сытая жизнь в изгнании не радовала Харикло. Она, как и Аристид, жила воспоминаниями об Афинах.

Перед тем как проводить Аристида в Амаринф, Эсхин вручил ему кошель с деньгами, сказав, что это дар властей Эретрии. Аристид отдал набитый драхмами кошель супруге, которая единолично распоряжалась всеми семейными деньгами. Харикло пересчитала деньги, в

---

⁴⁶ Стадий – греческая мера длины: 178 метров.

кошеле оказалось три мины серебра. Это было настоящее богатство, если учесть, что из Афин Харикло уехала всего с несколькими драхмами, полученными ею от отца на пристани в Фалере.

Благородный Эсхин не брал плату с Аристида за съём жилья, поэтому Харикло тратила деньги в основном на пропитание и на покупку нарядов подрастающим дочерям.

Двоюродный брат Аристида обещал каждый месяц присылать ему деньги, получаемые с земельного участка. Своё слово Пасикл сдержал, но деньги присылал Аристиду в мизерном количестве. Если бы не щедрость властей Эретрии, то семья Аристида жила бы в полнейшей нищете.

Отец Харикло, обещавший дочери время от времени ссужать её деньгами, тоже не отличался щедростью. Харикло хоть и злилась на отца за его скупость, однако старалась не выказывать своего недовольства при встречах с его поверенным, дабы не лишиться и этих скурых подачек. Харикло понимала, что её отцом движет сильнейшее разочарование Аристидом.

Глава четвёртая Канал Ксеркса

Панэтий был из тех афинских аристократов, которые в узком кругу местной родовой знати воспринимались как чужаки, осевшие в Аттике по милости тирана Писистрата.

Ради поддержания своей власти Писистрат опирался именно на таких людей. При нём и его сыновьях в Афины был открыт доступ людям предприимчивым и с достатком. Эти чужеземцы получили афинское гражданство при условии, что часть своих денег потратят на благоустройство Афин. Причём Писистрат и его сыновья закрывали глаза даже на то, что многие из новоявленных афинян обрели своё богатство нечестным путём. Кто-то из них в своё время грабил купцов на суше и на море, кто-то сбывал фальшивые деньги...

Дед Панэтия был родом с острова Самос. Некогда он прославился как один из самых дерзких и удачливых морских разбойников. Однажды ему посчастливилось ограбить судно хиосцев, которое везло в Дельфы много золотых и серебряных изделий в дар Аполлону Пифийскому. После этого случая удачливый пират, которого, кстати, тоже звали Панэтием, решил переселиться в Афины, а Писистрат не только предоставил Панэтию Старшему права гражданства, но и укрыл его от гнева хиосцев. Бывший морской разбойник взял в жёны афинянку из небогатой семьи, и когда у него родился сын, то назвал его Гиппократом, в честь отца Писистрата. Панэтий Старший, живя в Афинах, до конца своих дней занимался строительством кораблей, в которых знал толк.

Его сын Гиппократ строительство торговых судов стал совмещать с работоторговлей. У него имелось несколько вместительных кораблей, которые каждое лето ходили к берегам Иллирии и Фракии. Там всегда можно было приобрести сильных рабов по сходной цене. Большую часть приобретённых невольников предприимчивый Гиппократ отдавал в аренду на государственные Лаврийские рудники, получая за это определённый процент из добываемого серебра. Остальных рабов продавал на рынке Афин.

Гиппократ глубоко почитал своего отца, который оставил ему неслыханное по тем временам состояние в пятьдесят талантов серебром. Вот почему своему первенцу Гиппократ дал имя Панэтий.

Исконная афинская аристократия какое-то время сторонилась пригретых Писистратом чужеземцев, которые не отличались благовоспитанностью. Однако с течением времени чужаки освоили местный аттический диалект и обрели родственные связи среди коренных афинян, а некоторые из них даже показали себя отважными защитниками своего нового отечества. Всё это сгладило многие углы и противоречия в гражданском коллективе Афин. Тем более что после падения тирании Писистратидов постоянная угроза внешних вторжений вынуждала афинян забывать про внутренние склоки.

Гиппократу посчастливилось взять в жёны девушку из древнего афинского рода Филаидов, из которого происходил прославленный Мильтиад, победитель персов при Марафоне. Сын Гиппократа, Панэтий Младший, слыл человеком основательным в делах, избегающим любых крайностей и неопределённостей. Это помогло Панэтию, сыну Гиппократа, стать архонтом-эпонимом.

Зенодот, ставленник эвпатридов, в очередной раз провалился на выборах. Народ, видя, что Фемистокл и его сторонники рьяно поддерживают Панэтия, отдал Панэтию свои голоса. За Панэтия проголосовали и некоторые из аристократов в надежде, что он свернёт Морскую программу Фемистокла, если будет в этом заинтересован. Вот почему эвпатриды всячески настраивали Панэтия против Фемистокла, но все их усилия оказались напрасными, ибо Фемистокл, обладавший смекалкой и прозорливостью, ещё до начала выборов сумел привлечь Панэтия на свою сторону.

На первом же заседании в пританее Панэтий объявил, что построенных Фемистоклом военных кораблей недостаточно и надо заложить ещё семьдесят триер. Только тогда Афинам будет обеспечено полное господство на море.

Обсуждение этого вопроса было перенесено в народное собрание. Эвпатриды, догадываясь, что Панэтий внёс своё предложение с подачи Фемистокла, делали всё, чтобы убедить народ в ненужности и бессмысленности затеваемого дела.

– Вдумайтесь, граждане афинские, – говорил Зенодот, – у нас уже построено и спущено на воду сто тридцать триер! Флот Эгины насчитывает около сорока боевых кораблей. Столько же триер имеет Коринф. Даже если коринфяне и эгинцы объединят свои морские силы, чтобы объявить нам войну, то и тогда наше превосходство на море будет подавляющим. Зачем же обременять нашу небогатую казну расходами на закладку новых триер, если уже в настоящее время с афинским флотом не может сравниться ни одно государство Эллады! Не лучше ли употребить эти деньги на строительство дорог в Аттике и на разработку серебряных рудников? На мой взгляд, к войне на море Афины подготовлены как нельзя лучше.

– Это только на твой взгляд, Зенодот, – заметил Фемистокл, поднимаясь по каменным ступеням на возвышение для ораторов. Он дал знак архонтам, что берёт слово. – Ныне афиняне обезопасили себя от враждебных им эгинцев и коринфян, это верно. Однако под небом Ойкумены ⁴⁷существует гораздо более сильное государство, нежели Коринф и Эгина, вместе взятые. Это персидская держава Ахеменидов⁴⁸! От персов исходит угроза порабощения для всей Эллады!

При этих словах Фемистокл повысил голос и указал рукой на восток.

– Пустые страхи, Фемистокл. – Зенодот небрежно усмехнулся. Он явно не собирался сдаваться. – Персы едва унесли ноги из-под Марафона! Незачем вспоминать о персах, ибо они больше не сунутся в Элладу.

Аристократы поддержали Зенодота громкими одобрительными возгласами.

– Если бы царём персов оставался Дарий, терпевший в Европе одни неудачи, то угроза персидского вторжения не была бы столь явной, – возразил Фемистокл. – Но Дарий умер, а его сын Ксеркс, судя по всему, превосходит воинственностью своего покойного родителя. Я тоже сначала полагал, что Ксеркс увязнет в азиатских делах, подавляя восстания египтян и вавилонян. И вот египтяне и вавилоняне усмирены персами, ими разбиты азиатские скифы. Персы вдруг принялись свозить в свои фракийские крепости муку и фураж для лошадей сотнями тысяч мер. Зачем?

Зенодот пожал плечами:

– По всей видимости, Ксеркс вознамерился продолжить завоевание Фракии, ведь ещё не все тамошние племена покорились персам. А может, Ксеркс готовится к походу на европейских скифов, обитающих за рекой Истр⁴⁹.

– Я не согласен с твоими доводами, Зенодот, – сказал Фемистокл. – Но я не стану спорить с тобой по этому поводу. Лучше ответь мне, зачем персы прокладывают канал для морских судов на мысе Актэ?

Видя, что Зенодот озадаченно молчит, Фемистокл прошёлся по широкой площадке для ораторов, намеренно затягивая паузу. Несколько тысяч афинских граждан, собравшихся в этот день на Пниксе, затихнув, ожидали, что ответит Зенодот. Многие из них знали, что персы складировали во Фракии огромные запасы зерна и муки. Афинянам было ведомо и то, что персы снарядили на строительство канала в восточной части полуострова Халкидика тысячи людей из

---

⁴⁷ Ойкумена – так древние греки называли весь обитаемый мир.

⁴⁸ Держава Ахеменидов – огромное царство, созданное в результате завоеваний персидским царём Киром Великим. Предком Кира был царь Ахеменидов, по имени которого вся династия получила название Ахеменидов.

⁴⁹ Истр – древнее название реки Дунай.

окрестных греческих городов. Это были явные приготовления к войне. Ходили слухи, что Ксеркс намеревается повторить поход в Скифию по примеру своего отца. Но тогда зачем персам понадобился канал на мысе Актэ?

– Возможно, Ксеркс просто пожелал превратить мыс Актэ в остров, – наконец промолвил Зенодот, пожав плечами. – Обычное варварское тщеславие! Только восточному деспоту могла прийти в голову такая бессмысленная затея!

– Нет, Зенодот, это далеко не бессмысленная затея, – не согласился Фемистокл. – Ксеркс вовсе не из пустого тщеславия отправил тысячи людей на рытьё канала у одного из мысов Халкидики. Могу тебе напомнить, что при царе Дарии персы воевали во Фракии и их флот во время движения вокруг мыса Актэ был застигнут сильным ураганом. Во время шторма более трёхсот персидских кораблей разбилось о прибрежные скалы у горы Афон. Из-за сильных северо-восточных ветров море у берегов Халкидики беспокойно с весны до осени. Вдобавок у мыса Актэ сходятся два течения, образуя мощнейшие водовороты. Персы этого не знали и жестоко поплатились. Канал, который прокладывают по приказу Ксеркса на полуострове Актэ, позволит персидскому флоту без помех пройти из Фракийского моря в Сингский залив. Это означает, что Ксеркс имеет намерение двинуться в поход не на север против европейских скифов, а на запад. Если учесть, что во Фракии владения персов простираются до реки Стримон, от которой рукой подать до Македонии и Фессалии, то становится очевидным – Ксеркс ведёт подготовку к вторжению в Элладу.

Народное собрание взорвалось криками. Доводы Фемистокла показались его согражданам настолько убедительными, что при голосовании предложение Панэтия о строительстве семидесяти новых триер было одобрено подавляющим большинством голосов.

Отпраздновать этот успех Фемистокл и его друзья собрались в доме у Панэтия вечером того же дня. В сближении с Фемистоклом Панэтий преследовал свою выгоду. Ещё со времён Писистрата афиняне имели земельные владения на реке Стримон, где разрабатывались золотоносные копи. В своё время занимался добычей золота на реке Стримон и отец Панэтия. При царе Дарии персы завоевали Фракийское побережье, и афиняне лишились своих золотых рудников, но Панэтий надеялся, что с помощью сильного афинского флота грекам удастся изгнать персов из Фракии. Фемистокл и сам не скрывал того, что он хочет отнять у варваров Пиэрию, область на реке Стримон, богатую золотоносными жилами.

* * *

После пирушки у Панэтия Фемистокл пришёл домой далеко за полночь. Архиппа не спала. Она ждала мужа, сидя возле тлеющего очага на мужской половине дома.

– Ты поступаешь неразумно, разгуливая ночью по Афинам, – сердито сказала Архиппа, помогая супругу снять плащ. – Ты забыл разве, как много у тебя врагов среди эвпатридов!

– Не беспокойся, милая. – Фемистокл покровительственно обнял жену за плечи. – Друзья проводили меня до самого дома. Евтихид, пожалуй, самый лучший из кулачных бойцов в Афинах, да будет тебе это известно, дорогая. А Эпикрат самый ловкий из борцов! Оба намерены участвовать в состязаниях на будущих Олимпийских играх.

Фемистокл хотел и дальше нахваливать своих друзей, перечисляя их достоинства, но Архиппа довольно бесцеремонно перебила мужа:

– Днём, когда тебя не было дома, сюда приходила бывшая блудница Анаис. Она хотела отблагодарить тебя за какую-то услугу, которую ты ей оказал. Неужели ты опять начал путаться с продажными девками?

– Глупая! – Фемистокл пьяно рассмеялся. – Анаис давно выкупилась из диктериона. Ныне она сама содержит притон у Итопских ворот.

– Какая разница! – поморщилась Архиппа. – Блудница остаётся блудницей. Анаис ведь не поменяла ремесло. Какую услугу ты оказал этой финикиянке?

– Так, пустяки... – неопределённо ответил Фемистокл. – Меня что-то сильно тянет к подушке. Прости, Архиппа.

Пошатываясь, Фемистокл направился в опочивальню. Но и там, помогая мужу раздеться, Архиппа продолжала допытываться у Фемистокла, что связывает его с Анаис.

Уже лёжа в постели, Фемистокл поведал супруге про племянницу Анаис, получившую афинское гражданство через формальное удочерение.

– Вот и вся услуга! – Фемистокл широко зевнул.

– Как тебе не стыдно! – недовольно воскликнула Архиппа. – Ради денег ты раздаёшь варварам права афинского гражданства. Тебе, как видно, совершенно безразлично, кто будет голосовать на Пниксе. Лишь бы обязанные тебе люди голосовали за тебя! Теперь я не удивляюсь, Фемистокл, почему тебя так сильно ненавидят эвпатриды.

Произнеся этот гневный монолог, Архиппа ожидала, что Фемистокл станет ей возражать, но тот молчал. Расплетая свои длинные косы, Архиппа приблизилась к ложу и склонилась над мужем. Фемистокл крепко спал.

... Утром в гости к Фемистоклу пришёл Филокл. Он попросил Фемистокла стать посажёным отцом у него на свадьбе.

– Не только я, но и моя невеста просит тебя об этом, Фемистокл, – молвил Филокл. – Кому, как не тебе, быть посажёным отцом. Ведь это благодаря твоим заботам Гнафена обрела афинское гражданство.

Фемистокл взглянул на Филокла с хитрой усмешкой:

– Я согласен быть посажёным отцом на твоей свадьбе. Но с одним условием...

– Я на всё согласен, Фемистокл.

– Не спеши соглашаться, друг мой. – Фемистокл похлопал Филокла по плечу. – Условие моё таково. Тебе надлежит построить на свои деньги триеру, оснастить её и спустить на воду. Так что подумай, прежде чем приглашать меня в посажёные отцы.

– Я принимаю твоё условие, Фемистокл, – после краткого раздумья промолвил Филокл. – Сколько потребуется серебра на постройку и оснастку триеры?

– Для постройки остова судна с палубой и переборками хватит и сорока мин, – ответил Фемистокл. – На оснастку и смоление днища уйдёт ещё около десяти мин. Да покраска обойдётся в три мины. Спуск на воду и загрузка балласта тоже потребуют небольших денег.

– Таким образом, потребуется около шестидесяти мин, – подвёл итог Филокл.

– Со всеми непредвиденными расходами все семьдесят, – добавил Фемистокл. – Это я знаю по опыту.

На красивом лице Филокла с небольшой бородкой и прямым носом отразилась тень не то сомнения, не то огорчения.

– Если я построю триеру, то останусь практически ни с чем, – сказал он. – И тем не менее я согласен.

Восхищённый этим самопожертвованием, Фемистокл крепко обнял Филокла:

– Если Афинам и суждено властвовать над другими государствами Эллады, то благодаря отнюдь не эвпатридам, а таким людям, как ты, друг мой.

* * *

Знатнейшие граждане Афин, одолеваемые тревогой после недавней очередной победы Фемистокла в народном собрании, собрались в доме Зенодота. То, что Панэтий, нынешний архонт-эпоним, выступает заодно с Фемистоклом, лишь добавило досады мужам-эвпатридам. Лишь теперь эвпатриды поняли, что без Аристида противостоять Фемистоклу на равных они

не в состоянии. Делая ставку на Зенодота, эвпатриды просчитались. Зенотот не обладает в полной мере ни ораторским талантом, ни политическим чутьём. Тем более Зенототу было далеко до Аристида, если дело касалось честности и бескорыстности.

Об этом и завёл речь Леобот, сын Алкмеона, перед собравшимися аристократами. Гости возлежали за пиршественными столами, однако по их лицам было видно, что ни вино, ни щедрое угощение, ни радушие хозяина дома не вызывают у них особой радости. К тому же перед Леоботом уже выступил Эпикид, сын Эвфемиды, который обрисовал сложившуюся в Афинах ситуацию как единоличное господство Фемистокла, попирающего законы и древние родовые обычаи в угоду толпе.

– Меня сильно беспокоит, – сказал в заключение Эпикид, – что будет, если Фемистокл вдруг пожелает стать тираном по примеру Писистрата. Смогут ли лучшие из граждан не допустить этого, если учесть, что народ стоит горой за Фемистокла!

Леобот попытался рассеять мрачное настроение собравшихся, делая акцент на том, что не всё ещё потеряно. Леобот утверждал, что эвпатридам необходимо избрать другого вожака вместо Зенодота, что нужно взять на вооружение популистские методы Фемистокла, всеми способами внося раскол в народную партию, дабы её сторонники перегрызлись между собой. Тогда при очередном голосовании черепками может случиться так, что в изгнание уйдёт именно Фемистокл, против которого ополчатся его же единомышленники.

Аристократы внимали Леоботу без особого воодушевления. Кто-то из них полагал, что без Аристида им не одолеть Фемистокла. Кто-то считал, что нужно отменить законы Клисфена, поскольку они предоставляют демосу слишком много власти. Частые возлияния вином делали многих собеседников Леобота излишне резкими и агрессивными. Пребывая во хмелю, эти люди начинали ругать и Панэтия и тех эвпатридов, которые ради своей выгоды пошли на поводу у Фемистокла. Кипящая злоба и тупая меланхолия окутывали мысли и слова благородных афинян, собравшихся в этот вечер в доме Зенодота.

Леобот пришёл сюда с намерением организовать заговор с целью убийства Фемистокла. Но, видя, что Зенотот и его гости всё сильнее пьянеют, теряя всякую возможность рассуждать здраво, Леобот покинул это сборище, жалея в душе, что вообще пожаловал на это застолье.

Уже на улице Леобота догнал Филид, сын Аристана. Он тоже был совершенно трезв и разочарован поведением большинства гостей Зенодота.

Шагая по вечерним улицам Афин, эти двое договорились впредь действовать вместе против Фемистокла. Они условились делать это не открыто, а исподтишка и по возможности через подставных лиц. Леобот и Филид поклялись друг другу хранить в тайне свой уговор и проявлять величайшую осторожность, подбирая себе новых сообщников. Филид без колебаний признал в этом деле главенство Леобота, зная его трезвый ум и твёрдый характер.

По правде говоря, Филид плохо представлял, на какие рычаги следует нажимать, чтобы свалить столь высоко вознёсшегося Фемистокла, при этом не пострадав от народного гнева. Филид полностью полагался на многомудрого Леобота, поняв из беседы с ним, что у того есть хитрые задумки, благодаря которым могущество Фемистокла неизбежно пошатнётся.

Кроме Филида Леобот обрёл единомышленников в лице своего шурина и двоюродного брата. Оба были хитры, изворотливы и люто ненавидели народоправство. Своего шурина Леобот намеревался со временем протолкнуть в ближайшее окружение Фемистокла. Через шурина Леобот хотел узнавать о замыслах Фемистокла против эвпатридов. По замыслу Леобота Филид тоже должен был сблизиться с Фемистоклом, благо их жёны были дружны. Леобот рассуждал так: против явных недругов среди сограждан у Фемистокла имеется защита, а вот найдётся ли у него способ защититься от козней мнимых друзей – пока неизвестно. Впрочем, Леобот полагал, что самым удобным вариантом устранения Фемистокла была бы гибель его на войне.

В недалёком прошлом Афины вели долгую и безуспешную войну с Эгиной. С той поры как афиняне построили большой военный флот, эгинцы присмирели, не отваживаясь, как

прежде, разорять побережье Аттики и остров Саламин, заселённый афинскими переселенцами.

Леобот был уверен, что Фемистокл ждёт лишь повода для похода на Эгину, чтобы одним решительным ударом покончить с давним и упорным врагом. По наущению Леобота, его двоюродный брат выступил в народном собрании с призывом начать войну с эгинцами, чтобы отомстить им за все прошлые обиды. К удивлению Леобота, Фемистокл выступил резко против похода против Эгины. Более того, Фемистокл внёс предложение отправить к эгинцам послов для переговоров о мире.

Но тут возмутился Зенодот, яростно обрушившийся на Фемистокла:

– Клянусь Зевсом, логику твоих рассуждений невозможно понять, сын Неокла! Вспомни, как ты настраивал афинян против эгинцев, когда ратовал за строительство военного флота. Свидетелей тому тысячи! Ради победы над Эгиной ты убедил своих сограждан отказаться от лаврийского серебра. Ты был красноречив, сын Неокла, убеждая архонтов и пританов пустить всю денежную прибыль от торговых пошлин и судебных штрафов на закупку корабельного леса, канатов и парусины. Государственные мужи послушали тебя, ибо ими двигало чувство мести против эгинцев, дерзости которых всем хотелось положить конец. Помнится, Фемистокл, ты как-то сказал, что день, когда афиняне победят эгинцев на море, станет счастливейшим днём в твоей жизни. Сколько раз, выступая в пританее и на Пниксе, ты перечислял обиды, нанесённые Афинам эгинцами. Многие твои сограждане, Фемистокл, отдавали последние деньги на строительство флота, желая своему отечеству победы над надменной Эгиной. Флот наконец-то построен. Однако вместо победных лавров ты, сын Неокла, предлагаешь нам заключить с Эгиной постыдный мир! Спрашивается, зачем мы строили огромный флот, опустошая государственную казну? Фемистокл, мне непонятно, клянусь Зевсом, твоё странное миролюбие! Уж не подкуплен ли ты теми же эгинцами?

В собрании поднялся шум. Многие аристократы обвиняли Фемистокла в измене. Немало недовольных было и среди простонародья. Мир с Эгиной казался афинянам унижительным. Тем более теперь, когда Афины имеют сильнейший в Элладе флот!

Фемистокл взял слово, желая утихомирить страсти.

– Граждане афинские! – промолвил он. – Воевать с Эгиной в данное время неразумно, поскольку Элладе грозит персидский царь. Ксеркс собирает огромное войско. Не правы те, кто полагает, что персы собираются идти войной на европейских скифов. Доказательством тому – и доказательством неопровержимым! – является канал, прокладываемый персами на мысе Актэ. Это говорит о том, что персидский флот в скором будущем двинется вдоль побережья Фракии к Фермейскому заливу и дальше – к берегам Фессалии и Фтиотиды. Перед лицом персидского вторжения я призываю вас, граждане афинские, забыть о распрях с эгинцами, а равно и о былых раздорах с беотийцами и коринфянами.

Фемистокл долго говорил о том, что порознь эллинские государства не смогут противостоять персам. Грекам нужно создать Эллинский союз, в который прежде всего необходимо вовлечь Спарту, имеющую сильное сухопутное войско, а также Коринф и Эгину, обладающих большим опытом войны на море.

Народное собрание в итоге постановило: отправить послов в Спарту, Коринф и на Эгину. Причём на Эгину вызвался поехать сам Фемистокл.

* * *

На Эгине у власти стояли аристократы, которые отнеслись настороженно к посольству из Афин. Эгинцы тоже устали от вражды с Афинами и были рады в душе, что афиняне первыми запросили мира. Однако свою готовность заключить мир власти Эгины связывали с рядом условий, желая выгадать для себя максимальную выгоду.

Прежде всего эгинцы настаивали, чтобы афиняне выдали Никодрома и его приверженцев, которые вот уже десять лет скрываются на территории Аттики. И не просто скрываются, но всячески вредят богатым эгинцам, грабя в море их торговые суда.

Никодром, сын Кнефа, был предводителем демоса на Эгине, хотя сам происходил из древнего, знатного рода. Поссорившись с собратьями-аристократами, Никодром замыслил однажды поднять народ на восстание против знати, чтобы установить на Эгине демократическую республику по примеру Афин.

Дабы действовать наверняка, Никодром тайно попросил помощи у афинян. В Афинах был собран отряд добровольцев, которому надлежало под покровом ночи переправиться на Эгину. В назначенный день Никодром со своими сторонниками захватил эгинский акрополь. Афиняне же не явились вовремя, так как налетевший шторм разметал по морю их корабли. Покуда афиняне высаживались на берег Эгины кто где смог, пока они собрались все вместе, чтобы двинуться к городу, восставшие к тому времени потерпели поражение.

Никодрому пришлось бежать с Эгины. Вместе с ним ушли те из восставших, кому удалось вырваться из окружения. Афиняне поселили Никодрома и его людей на мысе Сунион, где находилась удобная стоянка для кораблей.

Эгинские аристократы, победив простой народ, в порыве гнева казнили семьсот человек. Повстанцев вели на казнь, силой выволакивая их из храмов, где те искали спасения после проигранного сражения. Одному из пленников удалось вырваться из рук палачей и бежать к святилищу Деметры Фесмофоры. Ухватившись обеими руками за дверное кольцо, беглец крепко держался. Преследователи, несмотря на все усилия, никак не могли его оттащить от дверей храма. Тогда они отрубили несчастному руки и увели его на казнь. А руки, словно приросшие к дверному кольцу, остались висеть.

Случаев крайней жестокости победителей над побеждёнными в те дни было немало, а вскоре после подавления восстания бедноты на Эгину обрушились засуха и землетрясения. На острове свирепствовал голод и болезни. Так боги мстили эгинцам за непочтение к храмам. Об этом говорили повсюду в Греции.

Вести переговоры о выдаче Никодрома Фемистокл наотрез отказался. Он дал понять властям Эгины, что не намерен торговаться с ними. Фемистокл напомнил эгинцам о неприязни, какую питают к ним спартанцы за то, что те некогда выразили свою покорность царю Дарию.

– Как вы помните, уважаемые, за полгода до Марафонской битвы спартанский царь Клеомен прибыл с войском на Эгину и взял здесь заложников из самых знатных семей, – молвил Фемистокл, обращаясь к коллегии эгинских архегетов, которые по своим властным функциям были схожи с афинскими архонтами. – Так вот эгинских заложников Клеомен не повёз в Спарту, но передал нам, афинянам. Судьба этих людей, уважаемые, теперь зависит от того, заключите вы мир с Афинами или нет. Ваш отказ чреват для Эгины самыми худшими последствиями. Мало того, что Афины не вернут вам заложников, вдобавок к этому афиняне объединятся со спартанцами против вас. Эгинское государство просто перестанет существовать, если войска Афин и Спарты высадутся на благословенной земле Эака⁵⁰. Поэтому, уважаемые, отнеситесь здраво к сложившейся ситуации и не дразните двух львов, ибо ныне бог войны явно не на вашей стороне.

После таких слов Фемистокла эгинские архегеты помрачнели. Никто из них не осмелился настаивать на выдаче Никодрома. Архегетам стало ясно, что Фемистокл прибыл на Эгину не выпрашивать мир, а навязать эгинцам мирные условия афинян.

---

⁵⁰ Эак – мифический герой, сын Зевса и нимфы Эгины. На Эгине существовал культ Эака как божества, дарующего дождь. В его честь происходили состязания – Эакии.

Мир был заключён. Текст мирного договора выбили на мраморной плите, которую установили на эгинской агоре. Точно такая же плита с текстом мирного соглашения появилась и в Афинах возле пританея.

Из текста договора следовало, что отныне эгинцы обязуются иметь с афинянами общих друзей и врагов. Кроме этого эгинцы отказываются от любых территориальных притязаний и открывают свои рынки для афинских купцов.

– Кто теперь осмелится утверждать, что мой замысел по созданию сильного флота не есть величайшее предвидение и благо для Афин! – молвил Фемистокл в кругу друзей всякий раз, когда речь заходила о мирном договоре с Эгиной. – Разве эгинцы были бы столь сговорчивы, не будь у Афин мощного военного флота! Кто ныне станет попрекать меня лаврийским серебром, которое я якобы отнял у бедноты, ослеплённый бессмысленным честолюбием. Теперь даже спартанцы вынуждены считаться с Афинами. Я больше скажу: если бы не моя настойчивость – у Афин не было бы флота, а значит, и нынешнего могущества!

Такие заявления Фемистокла были не по душе многим его согражданам. Если друзья зачастую обращали в шутку излишнее самомнение Фемистокла, то его недоброжелатели втихомолку говорили, мол, сын Неокла не знает меры в гордыне. А это в те времена считалось худшим пороком. Недаром, когда Мильтиад после Марафонской победы стал домогаться венка из ветвей священной оливы⁵¹, то некий Софан из Декелеи, выступая в народном собрании, произнёс следующее: «Когда ты, Мильтиад, в одиночку побьёшь варваров, тогда и требуй почестей для себя одного».

Сказанное Софаном так понравилось афинянам, что Мильтиад не только не получил от сограждан высших почестей, но даже не удостоился и малого вознаграждения за столь громкую и славную победу. Столь сильно было у афинян коллективное гражданское самосознание, считавшееся главным оплотом как в противостоянии врагам, так и в усмирении отдельных честолюбцев.

---

⁵¹ Олива – священное дерево богини Афины.

Глава пятая

Персидские послы

В Лакедемон⁵² с неменьшим беспокойством следили за приготовлениями персидского царя к походу на запад. Поэтому, когда афиняне бросили клич по всей Элладе, созывая представителей эллинских государств на ассамблею в Коринф, спартанцы оказались там в числе первых. Спартанское посольство возглавлял царь Леотихид из рода Эврипонтидов⁵³. Это говорило о том, какое большое значение придают лакедемоняне объединению греческих государств в военный союз против персов.

Во главе афинской делегации стоял Ксантипп, сын Арифрона, из древнего и богатого афинского рода Алкмеонидов. Ксантипп был лучшим другом ушедшего в изгнание Аристида.

Фемистокл не мог приехать в Коринф, поскольку он занимал должность номофилака. Ежегодно переизбираемая коллегия номофилаков состояла из семи человек. Номофилаки заведовали государственным архивом, осуществляли надзор за деятельностью Совета пятисот и проведением народных собраний. Эта коллегия играла столь важную роль в государственной жизни Афин, что всем её членам, по примеру архонтов, запрещалось до истечения срока полномочий покидать Аттику.

Фемистокл давно метил в номофилаки, желая покопаться в государственном архиве. Эвпатриды всеми способами старались не допустить в коллегия номофилаков выходцев из народа, тем более народных вожаков.

Однако упрямство и хитрость Фемистокла сделали своё дело. Фемистокл поставил эвпатридов перед выбором: либо его избирают в номофилаки, либо он в числе афинских послов отправляется в Коринф договариваться со спартанцами относительно ведения войны с персами на суше и на море. Не желая допустить Фемистокла на общеэллинский съезд в Коринфе, эвпатриды уступили ему кресло номофилака, выбирая меньшее из двух зол.

По возвращении афинского посольства из Коринфа, во время его отчёта перед пританами и народным собранием, едва не разразился политический скандал.

Друзья и единомышленники Фемистокла из народной партии бурно возмущались тем, что афиняне пошли на поводу у спартанцев, уступив им верховное командование всеми эллинскими силами на суше и на море. Если превосходство лакедемонян в сухопутной войне не оспаривалось никем из эллинов и их требование главенства над общеэллинским войском воспринималось как должное, то желание властей Спарты принять под своё начало и эллинский флот было встречено большинством афинских граждан с недовольством.

– Спартанцы сильны сухопутным войском, воевать на море они не умеют, – говорили сторонники Фемистокла, выступая в народном собрании. – У спартанцев едва ли не самый слабый военный флот в Греции! У тех же эгинцев гораздо больше опыта в войне на море, чем у лакедемонян. А если учитывать то, что по числу военных кораблей Афины превосходят все прочие государства Эллады, то становится очевидным, что возглавлять общеэллинский флот должны афинские навархи⁵⁴.

В Совете пятисот и в народном собрании звучали громкие голоса, требовавшие оштрафовать Ксантиппа и остальных послов, унизивших величие Афин. Не менее громко и требовательно демос настаивал на том, чтобы впредь Афины на синедрионе⁵⁵ представлял Фемистокл.

---

⁵² То же, что Спарта.

⁵³ В Спарте всегда было два царя. Один из рода Агиадов, другой – из рода Эврипонтидов.

⁵⁴ Наварх – греческий флотоводец.

⁵⁵ Синедрион – высший совет внутри некоего политического образования или союза государств.

От огромного штрафа Ксантиппа и прочих послов избавил Фемистокл, выступивший в их защиту. Фемистокл убедительно растолковал согражданам, что истинными хозяевами в синедрионе являются спартанцы, ибо их поддерживают почти все государства Пелопоннеса. Сторону лакедемонян держат и коринфяне, их давние союзники. Эгинцы тоже, скорее всего, выразят свою покорность спартанцам, памятуя поход Клеомена на их остров. Не посмеют возражать лакедемонянам и мегарцы, ведь они одного с ними дорийского племени. Получается, что за афинян в синедрионе готовы проголосовать лишь платейцы и ионийцы с острова Эвбея.

– Не стоит забывать, граждане афинские, что в синедрион пока ещё не вступили Аргос и Фивы, сильнейшие после Афин и Спарты государства в Элладе, – заметил Фемистокл, держа речь перед народом. – Не откликнулись на наш призыв этолийцы, долопы, фтиотийские и пелопоннесские ахейцы. Не примкнули к нам фессалийцы, малийцы, акарнанцы и озольские локры. По сути дела, половина Эллады безучастно взирает на попытки афинян и спартанцев сколотить общеэллинский союз для войны с персами. Нам нужно не главенство делить над войском и флотом, но постараться вовлечь в синедрион как можно больше греческих государств.

Авторитет Фемистокла был так велик, что с ним никто не стал спорить, его доводы всем показались разумными. Своим выступлением в народном собрании Фемистокл утихомирил страсти, погасив очередную вспышку гнева беднейших афинян против эвпатридов.

* * *

Направляясь рано утром к зданию государственного архива, Фемистокл столкнулся на улице со своим другом Евтихидом.

– Ты слышал, Фемистокл, вчера в Афины приехал из Фессалии Симонид Кеосский. И он жаждет встретиться с тобой! – затараторил словоохотливый Евтихид после обмена приветствиями. – Ты увяз в своём архиве, дружище, забросил все прочие дела, забыл про развлечения. Так не годится! Сегодня вечером Горгий организует пирушку для своих знакомых. У его старшего сына день рождения. Чем не повод для веселья?

– Хорошо, я приду, – сказал Фемистокл. – Порадую Горгия своим присутствием.

– Я полагаю, Симонид тоже заглянет к Горгию на огонёк! – Евтихид подмигнул Фемистоклу. – Горгий послал приглашение и ему.

– Как долго Симонид намерен задержаться в Афинах? – спросил Фемистокл. – И где он остановился?

– Симонид гостит в доме Пасикла, Аристидова брата, – ответил Евтихид. – Уж и не знаю, чем его расположил к себе недотёпа Пасикл. Может, славой своего знаменитого двоюродного брата?

– Не-ет, – с озорной усмешкой обронил Фемистокл. – Думаю, слава Аристида тут ни при чём. Всё дело в красоте супруги Пасикла.

– Да ну! – поморщился Евтихид. – Назвать жену Пасикла красавицей никак нельзя.

– Ты смотришь на её лицо, друг мой, – сказал Фемистокл. – И не замечаешь её прелестные телесные формы. Симонид давно положил глаз на жену Пасикла. Уж я-то знаю!

Симонид, сын Леопрепея, был родом с острова Кеос. Он прославился по всей Элладе как сочинитель эпиграмм и победных эпиникий⁵⁶. Вот уже более сорока лет Симонид сльвёт самым талантливым среди поэтов и песнетворцев. На любых поэтических состязаниях Симонид, которому было уже семьдесят лет, неизменно получает венок победителя.

Впервые Симонид оказался в Аттике, когда здесь правили сыновья тирана Писистрата. В ту пору Симонид завоевал свою первую награду на Дионисийских празднествах в Афинах.

---

⁵⁶ Эпиникия – хвалебная песнь в честь победителей на войне или в атлетических состязаниях, исполнялась по возвращении победителя на родину в сопровождении хора и танцев.

Гиппарх, младший сын Писистрата, очень благоволил Симониду. Гиппарх подарил ему дом в Афинах, щедро ссужал его деньгами.

Когда афиняне избавились от тиранического правления Писистратидов и ввели у себя в государстве демократию, Симонид добровольно отказался от подаренного Гиппархом дома, дабы не потерять уважение афинян. Ему всё же пришлось на несколько лет покинуть Афины, поскольку здесь начались кровавые распри эвпатридов с народом.

Какое-то время Симонид жил в Мегарах, потом он перебрался в Коринф, где приобрёл немало друзей. Симонид купил дом в Коринфе и проводил там холодное время года. Весной и летом Симонид обычно путешествовал по Греции. Его видели на всех общеэллинских состязаниях, будь то в Олимпии, в Дельфах, на Истме или в Немее. Симонида часто приглашали на местные торжества в различные греческие города. Повсюду Симонид прославлял своими стихами и песнями победителей в атлетических, гимнастических, конных и прочих агонах, выполняя просьбы как отдельных граждан, так и целых государств. Симониду щедро платили за его творчество, поэтому он жил в полном достатке и мог позволить себе далёкие путешествия.

Афиняне вспомнили про Симонида после своей победы над халкидянами, которые в ту пору были союзниками лакедемонян. Спарта тогда была враждебна Афинам. Симонид сочинил замечательную эпитафию, посвящённую афинским воинам, павшим в той войне.

Затем Афины ввязались в войну с беотийцами и опять одержали победу. И снова Симонид воспел победу афинян своими стихами. Но особенно Симонид прославился, сочинив эпитафию афинянам, погибшим при Марафоне. Этот короткий проникновенный стих афинские дети учили в школах наряду с поэмами Гомера.

Тогда-то Симонид и подружился с Фемистоклом.

Этот дружеский союз то рвался, то возрождался. При всём своём честолюбию Симонид никогда не шёл на сделку с совестью ради славы или богатства, в отличие от беспринципного Фемистокла. К тому же Симонид был гораздо старше Фемистокла. Порой он позволял себе нравоучать сына Неокла, полагая, что тем самым выполняет некий дружеский долг. Но все нравоучения Симонида самонадеянный Фемистокл пропускал мимо ушей.

Симонид, разъезжая по Греции, общался в основном с аристократами и царями, людьми утончёнными и изысканными. Фемистокл же познавал жизнь и набирался политического опыта, общаясь главным образом с простонародьем. У простых людей была своя мораль, которая резко отличалась от мировоззрения аристократов. Простоватая манера общения афинских бедняков и метеков отнюдь не умаляла их способность остроумно выражать свои мысли, подмечая несуразное в действиях властей. Этих качеств, по мнению Фемистокла, не хватало аристократам в силу их обособленности от народа.

Симонида раздражала привычка Фемистокла постоянно выставлять аристократов в дурном свете. Симонид неизменно выступал в защиту знатных афинян, утверждая, что демос может управлять государством, но облагородить своё отечество, сделать его пристанищем Муз, на это демос не способен. Споры Симонида и Фемистокла часто завершались ссорами. Другим приходилось мирить их, но эта шаткая дружба поэта и политика держалась лишь до следующего спора.

Пирушка у Горгия удалась на славу именно потому, что сюда пожаловали Симонид и Фемистокл. Поэт блистал своими эпиграммами, которые он мог сочинять, не выходя из-за стола, с чашей в руке. Фемистокл, как обычно, сыпал шутками и остротами, коих в его памяти было великое множество. Поскольку большая часть острот Фемистокла имела весьма непристойный смысл, Горгий удалил из пиршественного покоя своего тринадцатилетнего сына, виновника торжества. Для именинника и его сверстников был накрыт стол на женской половине дома, куда не долетал шум голосов подвыпивших гостей.

Фемистокл и Симонид то и дело удалялись во внутренний дворик, чтобы побеседовать наедине. Симонида одолевала тревога по поводу слухов о скором и неизбежном нашествии

персов на Элладу. Ему хотелось знать, что думает об этом деятельный Фемистокл и, самое главное, что он собирается предпринимать.

– Мне ведомо, что афинский демос взирает на тебя, как на бога! – молвил Симонид, прогуливаясь вместе с Фемистоклом вдоль колонн портика, идущих по всему периметру двора. – Я побывал в Фессалии и огорчён тем, что там увидел. Фессалийцы даже перед лицом грядущей с востока опасности не прекращают свои внутренние распри. Тамошние династы озабочены увеличением своих земельных владений и богатств. Они грызутся друг с другом, не желая понять, что персы, придя в Фессалию, лишат их и земли и власти.

– И ещё заставят фессалийцев сражаться под знамёнами персидского царя, – с усмешкой вставил Фемистокл.

– Вот именно, – покивал головой Симонид, приглаживая свою длинную завитую бороду. – Получается, что лишь Афины и Спарта призывают эллинов отстаивать свободу Эллады.

– Я слышал, правитель Краннона имеет около шести тысяч всадников, – сказал Фемистокл. – Так ли это?

Фемистоклу было известно, что Симонид довольно долго гостил в фессалийском городе Кранноне у тамошнего тирана Диакторида.

– Это правда, – ответил Симонид, – как и то, что Диакторид ведёт войну с перребами из-за города Аргисса. Я пытался повлиять на Диакторида, убедить его замирииться с аргиссеями ввиду угрозы персидского вторжения. Но всё было тщетно! – Симонид печально вздохнул и произнёс строфу из «Илиады»:

Распря, которая в мир чуть заметной приходит, а вскоре
Грозно идёт по земле, головой в небеса упираясь...

– А чем заняты Алевады? – спросил Фемистокл, знавший, что Симонид дружен и с могущественными владетелями Пеласгиотиды, центральной области Фессалии.

– Алевады воюют с магнетами, – досадливо махнул рукой Симонид, – это давняя распря.

– Алевады грызутся с магнетами из-за города Фаланна, – задумчиво обронил Фемистокл. – А вернее, из-за Темпейской долины, которую Алевады почему-то считают своей от моря и до гор.

В глазах Симонида, завешанных седыми бровями, промелькнуло удивление. Он всегда поражался всезнанию Фемистокла, который почти не покидал Афины, но тем не менее был прекрасно осведомлён обо всех событиях, происходящих в разных концах Греции.

– Да, вот уже почти полвека Алевады стараются вытеснить из Темпейской долины магнетов и перребов, – с сожалением в голосе заметил Симонид, – но те отчаянно сопротивляются, не желая покидать насиженных мест.

– Алевады – самый могущественный род в Фессалии, – промолвил Фемистокл. – При желании Алевады могли бы сплотить вокруг себя все тамошние племена, создав могучее царство на севере Эллады. Алевады могли бы в этом случае превзойти славой легендарных царей Пелея и Акаста. Вместо этого Алевады увязли в склоках с соседями, не желая делиться с ними плодородной землёй и пастбищами. Как это мелко и недальновидно!

Из Фессалии в Аттику Симонид добирался через земли фтиотийских ахейцев, малийцев, эпикнемидских локров и беотийцев. Повсюду, по словам Симонида, ходят слухи о приготовлениях персов к войне. И всё же местные правители как жили, так и живут, одолеваемые мелочной враждой и старыми обидами.

– Никто не задумывается о судьбе Эллады, да и о собственном будущем тоже, – досадовал Симонид. – В Фивах, Малиде, Локриде и Фтиотиде знают о создании в Коринфе союзной лиги

греческих государств для войны с персами. Однако представители из этих государств до сих пор не появились в Коринфе.

– В этом нет ничего удивительного! – хмыкнул Фемистокл. – У фиванцев имеется большой зуб на афинян. Они требуют, чтобы афиняне вернули им городишко Ороп. Но этого никогда не будет. Локры и малийцы ненавидят лакедемонян после вторжения в их страну спартанского царя Клеомена.

– После того вторжения спартанцев минуло десять лет, – проворчал Симонид. – Пора бы локрам и малийцам забыть эту обиду. К тому же Клеомена уже нет в живых. Ныне трон Агиадов занимает его брат Леонид, не причинивший локрам и малийцам никакого вреда.

– Почему же ты не сказал об этом правителям Малиды и Локриды Эпикнемидской? – поинтересовался Фемистокл.

– Я пытался это сделать, но меня и слушать не стали! – обиженно воскликнул Симонид. – У малийцев назревают торжества в честь Геракла, на которых будут присутствовать и их соседи – локры. Когда у людей на уме пиршества и развлечения, то говорить об опасностях и грядущих невзгодах им совсем не хочется.

– Наши послы побывали в Фивах, Малиде и Локриде Эпикнемидской, – сказал Фемистокл. – Афиняне первыми протянули руку дружбы своим давним недругам – фиванцам. Но фиванцы не хотят вступать в синедрион из-за своих претензий на Ороп. Малийцы и локры заявили афинским послам, что к Афинам они не питают вражды, но со спартанцами им не по пути. Вот так-то!

– Фтиотийские ахейцы тоже относятся с неприязнью к спартанцам, – произнёс Симонид. – Оказывается, царь Клеомен когда-то принёс разорение и на их земли.

– В пору царствования в Спарте царя Клеомена фтиотийские ахейцы затеяли распрю с фессалийцами, а те призвали на помощь спартанцев, – пустился в разъяснения Фемистокл. – Спартанцы разбили ахейцев, попутно разграбив их города. Лакедемоняне угнали в рабство много ахейских юношей и девушек. Такое не забывается!

– Как это печально! – с горечью проговорил Симонид. – Ненависть разъединяет государства Эллады. Давняя вражда вынуждает эллинов вооружаться друг против друга. И это перед лицом страшной угрозы с Востока! Я страшусь того, что не могущество варваров, но взаимная ненависть ввергнет греческие государства в пучину рабства.

* * *

После беседы с Симонидом Фемистокл пришёл домой в унылом расположении духа, несмотря на то что весёлая, громкоголосая компания провожала его до самого порога.

Удаляющиеся пьяные голоса ещё не затихли вдалеке, а на расстроенного Фемистокла уже обрушился гнев его супруги.

– Опять приходила эта развратная кошка, бывшая блудница Анаис! Она хотела видеть тебя! – сердито шипела в лицо мужу разозлённая Архиппа. Возмущаться в полный голос она не смела, дабы не разбудить детей. – Чего ты отворачиваешься, Фемистокл? Смотри мне в глаза! Зачем эта паскудница таскается в наш дом? Что тебя связывает с этой гарпией?

Фемистокл хотел было поцеловать Архиппу, но та увернулась от его объятий.

– Разве я на Пниксе? В народном собрании? – пытался отшучиваться Фемистокл. – А я-то думал, что пришёл домой. Такие речевые обороты звучат только на Пниксе, дорогая. Как тебе не стыдно!

– Стыдно должно быть тебе, муженёк, – возмущалась Архиппа. – У тебя четверо детей, добродетельная жена, приличные родственники, замечательные друзья, а ты путаешься со всякими шлюхами! Как будто мало грязи выливают на тебя твои недруги, обвиняя в попустительстве мошенникам, в раздувании интриг. Тебе хочется, чтобы эвпатриды стали кричать на

всех углах, что ты неисправимый развратник, что диктериады сами приходят к тебе домой под покровом ночи? Ты этого хочешь?

– Я завтра же схожу к Анаис и скажу ей, чтобы впредь она не смела приходить в мой дом, – промолвил Фемистокл, теряя терпение. – Умоляю, Архиппа! Уже поздно, идём спать.

– Иди! – Архиппа толкнула плечом дверь в спальню, где тускло горел одинокий светильник.

– А ты? – Фемистокл взглянул на жену.

– Я лягу в другой комнате.

– Ну, как хочешь, дорогая, – сказал Фемистокл и прошёл в опочивальню.

Архиппа с мстительным раздражением захлопнула за ним дверь.

Едва первые лучи рассветного солнца пробились сквозь облака над горой Гиметт, Фемистокл был уже на ногах.

Спящий город был окутан лёгкой туманной дымкой. Над Керамиком, где низкие черепичные кровли домов соседствовали с густыми кучами деревьев, тянулись в небесную синеву белые шлейфы дымов. Это гончары уже разожгли огонь в гигантских печах для обжига готовой глиняной посуды. Гончарный квартал всегда просыпался ни свет ни заря.

Фемистокл шагал бодрым торопливым шагом по узким улицам Афин, выбирая кратчайшую дорогу к дому финикиянки Анаис. Он был раздражён: ждёт разрешения куча важных дел, а ему приходится спозаранку тащиться через весь город для выяснения отношений с бывшей блудницей.

«Клянусь Зевсом, эта финикиянка слишком много себе позволяет! – мысленно негодовал Фемистокл. – Является в мой дом, когда захочет! Как будто нельзя отправить ко мне раба с запиской. Стоит сделать добро человеку, как он тут же садится тебе на шею!»

Именно с этого и начал Фемистокл излагать Анаис свои претензии, придя к ней домой.

Анаис слушала Фемистокла с миной досадливого неудовольствия на чуть помятом после сна лице. Она только что поднялась с постели и даже не успела умыться.

– Ты говоришь о благодеянии, сделанном тобой, но с таким видом, будто ты наделил мою племянницу Гнафену и её мужа Филокла бессмертием! – заговорила Анаис после того, как Фемистокл умолк. – Ты, наверно, полагаешь, что осчастливил Гнафену, внеся её в списки полноправных афинянок. И тем более осчастливил Филокла, став посажённым отцом у него на свадьбе. А между тем Гнафена и Филокл глубоко несчастны и по уши в долгах! Вот чем обернулось для них твоё благодеяние!

– По уши в долгах? – удивился Фемистокл. – Но при чём здесь я?

– А разве не ты поставил условие Филоклу, чтобы тот построил триеру на свои деньги в благодарность за твою услугу? – Анаис окинула Фемистокла недовольным взглядом. – Филокл – честный человек. Он построил триеру на верфи и назвал её «Гнафена».

– Да, я видел, как эту триеру спускали на воду, – сказал Фемистокл. – Отличный получился корабль!

– На этот «отличный корабль» Филокл потратил все свои сбережения, – продолжила Анаис с тем же негодованием в голосе. – Ему даже пришлось продать лошадь, двух рабов и кое-что из имущества. Подрядчики дерут втридорога за доски, брус, смолу и канаты. В результате Филокл влез в долги. Теперь он трудится в своей мастерской день и ночь, изготавливая мебель, чтобы вовремя выплачивать проценты и не угодить под суд за неуплату долга. Бедняжке Гнафене приходится помогать Филоклу, поскольку рабов-подмастерьев пришлось продать...

– Но я же ничего не знал об этом! – развёл руками Фемистокл. – Если бы Филокл сообщил мне о своих трудностях или хотя бы намекнул...

– Филокл не из тех, кто станет жаловаться и просить о помощи, – огрызнулась Анаис. – И потом, ты ему уже «помог» однажды. Если в течение ближайших шести месяцев Филокл не

расплатится с долгами, то у него отнимут дом, который будет продан в уплату долга. Филоклу и Гнафене придётся жить на триере, из-за которой и начались все их бедствия.

– Не беспокойся, Анаис, я этого так не оставлю, – сдвинув брови, заявил Фемистокл.

Он тут же потребовал, чтобы Анаис назвала ему имена ростовщиков, ссудивших Филокла деньгами.

Вечером того же дня в дом к Филоклу постучался Сикинн, раб Фемистокла. Он вручил изумлённому мебельщику три навощённые таблички, перевязанные шнуром и запечатанные восковыми печатями.

Сломав печати и раскрыв таблички, Филокл увидел, что это расписки его заимодавцев. Они письменно подтверждали полное погашение долгов.

– Кто это сделал? – проговорил Филокл, не веря своему счастью. – Кто уплатил все мои долги? Неужели Фемистокл?

– А кто же ещё! – ворчливо обронил Сикинн, собираясь уходить. – Кто, кроме Фемистокла, заботится в этом городе о бедных и обездоленных. Мой господин велел передать тебе на словах следующее. Ты позаботился о безопасности государства, построив триеру на свои деньги, а теперь государство позаботилось о тебе, уплатив твои долги.

Перепополняемый бурной радостью, Филокл выскочил из дома на улицу и, не обращая внимания на прохожих, крикнул вслед удаляющемуся Сикинну:

– Передай Фемистоклу, что я всегда буду дорожить его дружбой и никогда не забуду его великодушия!

– Передам! – долетел издали голос раба.

* * *

В Афинах жил ваятель по имени Агелай, один из близких друзей Фемистокла. Этот Агелай приехал в Афины из греческого города Книда, расположенного в Азии. Поскольку Афины издавна славились высокохудожественной школой ваятелей из мрамора и бронзы, Агелай двадцатилетним юношей приехал сюда постигать это высокое искусство. Отец Агелая тоже был скульптором у себя, в Книде.

Агелая в Афинах повезло. Его познакомили с уважаемым ваятелем Перибельтом, который взял юношу к себе в ученики. Правда, Перибельт имел сильную тягу к красивым мальчикам, беззастенчиво совращая своих учеников. Не избежал этой участи и Агелай, имевший весьма привлекательную наружность. Вот почему Перибельт не только обучал Агелая своему мастерству, но и ваял с него мраморные статуи юных богов и героев-эпонимов, которые каждая афинская фила устанавливает в своих обособленных святилищах.

В конце концов Агелай стал любимцем Перибельта, но не только в смысле интимной привязанности. Изваянные Агелая статуи поражали всякого, кто их видел, законченным совершенством форм и красотой пластики. Агелай отказался от старой практики, когда статуи ваялись в виде сидящей или стоящей фигуры. Агелай старался выражать характер и настроение избранного им типажа – бога или смертного человека – через движение. Тем самым Агелай придавал своим творениям неподражаемый оттенок естественности, близкой к реальной жизни. Даже прямостоящие статуи Агелая не уподоблялись архаичным «столбам», но неизменно обнаруживали в себе некий посыл к движению.

Перибельт понял, что воспитал достойного преемника, и перед смертью завещал ему свой дом и мастерскую, однако Агелай вступил во владение завещанной ему недвижимостью лишь после завершения тяжб с родней своего покойного наставника. В этом немалую помощь ему оказал Фемистокл, который вёл все его судебные дела. Агелай не являлся полноправным афинянином и, по закону, в судебных тяжбах должен был участвовать его представитель, имеющий афинское гражданство.

Перибельт жил в разводе со своей супругой, которая успела ещё дважды выйти замуж, но оба раза неудачно. У неё долгое время не было детей. Наконец, Фестида вышла замуж в четвёртый раз за какого-то обедневшего аристократа и родила от него дочь. Аристократ вскоре умер от какой-то болезни, а его брат и сыновья от первой жены выставили Фестиду на улицу с годовалой дочкой на руках. Фестида долгое время жила у брата, который владел домом их давно умерших родителей.

Перибельт как мог помогал Фестиде. Он полюбил её дочь Аполлонию, которая с юных лет выделялась среди сверстниц своей необычайной красотой. Подраставшая Аполлония частенько сама прибегала в мастерскую к Перибельту, зная, что тут ей всегда рады.

После кончины Перибельта на часть его имущества стали претендовать родные и двоюродные братья. Фемистоклу пришлось изрядно потрудиться, чтобы его подопечный Агелай остался в выигрыше. Фемистокл убедил Агелая взять в жёны Фестиду и удочерить Аполлонию. Со временем Фемистоклу удалось добиться, чтобы Агелая внесли в список полноправных граждан. Агелай был причислен к филе Леонтиде, в которой состоял и сам Фемистокл.

С Фестидой Агелай прожил недолго. Однажды, промокнув под осенним дождём, Фестида слегла в горячке и по прошествии нескольких дней скончалась. Её погребли рядом с могилой Перибельта.

Впоследствии Агелай ещё не раз обращался за помощью к Фемистоклу как к знатоку афинских законов. Фемистокл охотно помогал Агелая и даже по-отечески опекал его: по возрасту тот годился ему в младшие братья. К тому же благодаря дружбе с Агелаем Фемистокл имел возможность бывать в кругу людей искусства, ведь постепенно Агелай обрёл такую известность в Афинах, что пожаловать к нему в гости почитали за честь не только известные живописцы, кифареды⁵⁷ и поэты, но и представители самых знатных родов.

Агелай был не кичлив и не злопамятен, поэтому люди тянулись к нему. К тому же Агелай трудился не покладая рук, у него было множество заказов. В Афины часто приезжали посольства из других греческих городов с целью заказать именно Агелая, сыну Диадрома, мраморную или бронзовую статую какого-нибудь бога-покровителя или бюст атлета-олимпийца⁵⁸, а для афинян такие заказы служили ещё и пополнением казны, поскольку часть денег, выручаемых Агелаем за работу, шла государству в качестве налога.

Поступали ваятелю заказы и от частных лиц. Как правило, это были люди состоятельные. Кто-то желал увековечить в мраморе своё лицо. Кто-то намеревался поставить у себя дома статую жены или сына. Кому-то хотелось установить в усыпальнице предков бюст умершего отца или деда. Подобные заказы Агелая были более по душе, так как оплата за них не облагалась налогом.

Фемистокл и тут был полезен Агелая. Через своих друзей Фемистокл находил для ваятеля выгодных заказчиков в других городах Аттики и даже за пределами Афинского государства, но Агелай в долгу не оставался. Он платил Фемистоклу определённый процент с подобных сделок.

Вот почему, увидев как-то утром пришедшего к нему скульптора, Фемистокл поначалу решил, что тот желает поговорить с ним о последней сделке, а заодно узнать, имеются ли новые заказчики на ближайшее время. Однако Агелай завёл речь совсем о другом. И чем дольше он говорил, тем мрачнее и недовольнее становилось лицо Фемистокла.

Агелай говорил о том, как сильно и страстно он любит свою приёмную дочь Аполлонию – её красота сводит его с ума! Желая положить предел своим душевным терзаниям, Агелай вознамерился сделать Аполлонию своей законной женой. К Фемистоклу Агелай пришёл, чтобы

---

⁵⁷ Кифаред – тот, кто играет на кифаре. Кифара – струнный щипковый инструмент в Древней Греции. Имел от 4 до 12 струн.

⁵⁸ Атлет-олимпиец – так назывался атлет, победивший на Олимпийских играх в любом виде состязаний.

узнать, имеются ли препятствия в афинских законах для подобного брака, и если имеются, то каким образом их можно обойти.

Аполлонии недавно исполнилось семнадцать лет. Её прекрасная фигура была объектом поклонения не только для Агелая, но и для других ваятелей Афин – в прямом смысле этого слова. Статуи прекрасных нимф и богинь афинские ваятели предпочитали создавать, беря за образец дивную наготу Аполлонии и совершенство черт её лица. Особенно много Аполлония позировала Агелая, который не уставал создавать всё новые статуи из белого мрамора, запечатлевая свою красавицу-падчерицу то в образе юной бегуньи, то в виде купальщицы, то в образе задремавшей хариты⁵⁹. Но чаще всего красота Аполлонии застывала в пентеликонском мраморе под резцом Агелая в образе обнажённой Афродиты, вечно юной богини любви и женского совершенства.

– Удочерение – не простая формальность, друг мой, – с ноткой осуждения промолвил Фемистокл. – Ты же приносил клятву богам, покровителям рода, из которого происходит Аполлония. Ты приносил эту клятву в присутствии должностных лиц – гинеконома⁶⁰ и двух демотов. Этот акт имеет письменное подтверждение в архиве дема Фреарры, к которому ты приписан и с момента удочерения также приписана Аполлония. По меркам людской морали и по закону, эта девушка – твоя дочь. И сделать её своей женой ты не имеешь права!

– Но я люблю Аполлонию не отцовской любовью! – пылко воскликнул Агелай. – В её жилах нет ни капли моей крови. У нас с ней даже разница в возрасте не очень большая, всего четырнадцать лет.

– Пойми, против этого выступают акт удочерения и твоя клятва богам, друг мой, – стоял на своём Фемистокл. – Такими вещами пренебрегать нельзя!

– Моя любовь... – начал было Агелай, присев на стул.

Однако Фемистокл перебил его:

– Чувства не имеют значения там, где речь идёт о соблюдении закона. Пойми же это наконец!

– Мне странно слышать такое из уст человека, не раз допускавшего противозакония в своих действиях, – волнуясь, возразил Агелай. – Что с тобой, Фемистокл? Я не узнаю тебя! Неужели нельзя отыскать лазейку в афинском законодательстве?

Фемистокл хмуро взглянул на друга:

– Ты небось уже спишь с Аполлонией, как с законной женой?

– Давно уже! – с вызовом ответил Агелай. – Я же сказал, мы любим друг друга! Фемистокл, умоляю, помоги нам! Я заплачу тебе, сколько скажешь.

Фемистокл тяжело вздохнул и медленно прошёлся по комнате от окна до дверей и обратно. Он был полуобнажён, поскольку только что поднялся с постели. Волосы у него были спутаны, борода всклокочена. Из одежды – лишь свёрнутый вдвое плащ, обёрнутый вокруг стана наподобие набедренной повязки.

– А у тебя хорошее телосложение и рельефная мускулатура, – вдруг промолвил Агелай. Чуть склонив голову набок, он разглядывал Фемистокла, как это делают ваятели и живописцы, выбирая натурщика для своего будущего творения. – Я, пожалуй, поработаю с тобой. Мне как раз нужен именно такой торс, как у тебя. Хочу изваять статую Посейдона и преподнести её в дар своему родному городу Книду.

– Тебе явно будет не до статуи Посейдона, друг мой, когда судьи оштрафуют тебя за разврат и вдобавок разлучат с Аполлонией, – серьёзным тоном сказал Фемистокл.

⁵⁹ Хариты – греческие богини красоты и женской прелести, считавшиеся дочерьми Зевса. Харит было трое: Аглая (Блеск), Евфросина (Радость) и Талия (Цвет).

⁶⁰ Гинеконом – чиновник, обязанный следить за воспитанием и нравственностью женщин.

– Но ты же не допустишь этого, – с надеждой в голосе проговорил Агелай. – Я знаю, тебе нужны деньги.

– Да, деньги мне нужны, – согласился Фемистокл, продолжая мерить комнату неторопливыми шагами. – Я очень сильно потратился, вытаскивая из долговой ямы одного честного афинянина.

– Я заплачу тебе талант серебром, если Аполлония станет моей женой, – заявил Агелай.

– Сколько? – Фемистокл замер на месте и изумлённо уставился на ваятеля. – Я не ослышался? С такими деньгами афинская семья может безбедно существовать два-три года!

– Ты не ослышался. Я высоко ценю твой ум. И твою изворотливость, дружище, – негромко добавил Агелай.

– Что ж, за такое вознаграждение я возьмусь за это дело, – сказал Фемистокл. В его широко поставленных серо-голубых глазах засветились азартные огоньки. – Но мне нужен задаток в две мины – сегодня же!

– Отправь со мной Сикинна, и он принесёт деньги к началу утренней трапезы. – Агелай поднялся со стула.

Во всём облике ваятеля, во всех его жестах таилось некое завораживающее очарование, которое особенно действовало на женщин. Агелай имел статное телосложение, без какой-либо тяжеловесной неповоротливости. В чертах его лица было столько благородной красоты, что всякому, кто знакомился с Агелаем, невольно казалось, что в душе этого человека нет места подлости и коварству. Впрочем, так оно и было на самом деле.

Фемистокл не зря состоял в коллегии номофилаков. В государственном архиве ему удалось отыскать несколько документов, свидетельствующих о противозаконных действиях, с точки зрения морали в среде высшей аристократии. В одном случае речь шла о мужчине, женившемся на родной сестре. В другом случае отчим взял в жёны падчерицу. В третьем – некий эвпатрид, овдовев, женился на племяннице, что тоже сурово осуждалось среди эллинов. Правда, все эти браки имели одну и ту же цель: стремление оставить в роду мужчины богатое приданое невесты.

Кровнородственные браки существовали ещё на заре эллинской цивилизации, когда связи между немногочисленными общинами были очень слабы, а вражда неизменно господствовала над мирным сосуществованием государств. Знатные семьи, имевшие немалый достаток, не желали родниться с бедными соплеменниками. Среди аристократов был распространён обычай соединять узами брака близких родственников, дабы приданое невесты не уходило на сторону. Со временем этот обычай был предан забвению. Но отголоски тех далёких пережитков время от времени звучат в спорах граждан и поныне при разделе имущества, при оформлении опекуинства или при получении афинского гражданства. Случаи инцеста имели место и в настоящее время, несмотря на негативное к ним отношение общества и властей Афин.

Фемистокл хорошо подготовился к судебному процессу, который начался, едва он сложил с себя полномочия номофилака. В результате суд присяжных вынес постановление, разрешающее Агелаю, сыну Диадрома, взять в жёны Аполлонию.

Эвпатриды были возмущены тем, какими методами пользуется Фемистокл, откапывая в архиве стародавние письменные акты. Ссылаясь на них, Фемистокл склоняет на свою сторону присяжных. Председатель суда, хоть и понимает всю сомнительность таких аргументов, но поделаться ничего не может, поскольку окончательное решение выносят присяжные заседатели большинством голосов.

Остался недоволен результатом судебного заседания и брат покойной матери Аполлонии, вспыльчивый и драчливый Мнесарх. Он присутствовал на суде в качестве свидетеля. По окончании процесса, когда люди стали покидать здание гелиэи и расходиться по домам, Мнесарх догнал Фемистокла на площади и набросился на него с кулаками. Нерастерявшийся Фемистокл моментально повалил наземь грузного Мнесарха ловким борцовским приёмом. В молодости

Фемистокл был одним из самых лучших борцов в Афинах. Он даже получил победный венок на Истмийских играх.

– Угомонись, Мнесарх! – сказал Фемистокл поверженному забияке. – Победить меня можно только силой слова, но никак не силой рук. Запомни это!

Среди столпившихся вокруг зевак послышался смех.

Фемистокл протянул руку Мнесарху, желая помочь ему встать на ноги, но поверженный не пожелал воспользоваться этой помощью и сам с кряхтением поднялся с земли.

– Берегись, сын Неокла! – с угрозой пробурчал Мнесарх. – Сегодня ты торжествуешь, но придёт срок, когда я восторжествую.

– Этого никогда не будет. – Фемистокл широко улыбнулся. – Ибо оратор из тебя никудашный, сын Клеандра. И мой тебе совет: не становись у меня на пути.

Наградив Фемистокла взглядом, полным ненависти, Мнесарх скрылся в толпе.

Фемистокл знал причину гнева Мнесарха. Тот подыскал для Аполлонии очень знатного и богатого жениха, который обещал озолотить его, если девушка не достанется Агелая. Этого аристократа звали Дамонид, сын Харма. Ни с Дамонидом, ни с его отцом Фемистоклу ещё не приходилось враждовать. «А теперь, судя по всему, мне этого не избежать», – невесело подумал Фемистокл.

Дело Агелая получило столь широкую огласку в Афинах и вызвало такие бурные споры, что в какой-то момент стоял вопрос о повторном судебном разбирательстве. Фемистокл понимал, что это происки эвпатридов, его давних и непримиримых недругов.

Однако надвинувшиеся грозные события смешали замыслы эвпатридов. В Элладе объявились послы персидского царя. Двигаясь с севера на юг, они требовали от правителей греческих государств землю и воду. По персидскому обычаю, это означало выражение полной покорности.

Небольшие слабые государства магнетов, перребов, долопов, этейцев, локров и малийцев одно за другим выражали персам свою покорность. Многие города Фессалии также предпочли покориться Ксерксу, зная о мощи гигантской державы Ахеменидов.

Представители эллинских государств, не желавших покоряться персам, вновь собрались на ассамблею в Коринфе.

От Афинского государства в союзный совет – синедрион – прибыл Фемистокл. Такова была воля большинства афинских граждан.

Стояло лето 481 года до нашей эры.

Глава шестая Спартанец Эвенет

Собрания синедриона происходили на священном участке Посейдона в круглом здании, где во время Истмийских игр обычно заседали государственные чиновники коринфян, ответственные за проведение гимнастических, конных и поэтических состязаний. Святилище Посейдона было расположено на Истмийском перешейке в сосновой роще. Это было возвышенное над приморской равниной плато, окружённое невысокими отвесными скалами. Самая высокая и неприступная гора в здешней округе называлась Акрокоринф. На её вершине местные дорийцы ещё в незапамятные времена воздвигли мощную крепость – цитадель Коринфа.

Единственная дорога из Средней Греции в Пелопоннес пролегла мимо этой крепости, прямо через город коринфян, кварталы которого широко раскинулись вокруг Акрокоринфа.

Главенствовали в синедрионе спартанцы, поскольку они стояли во главе союза пелопоннесских городов, в который входил и Коринф. Из государств Срединной Эллады в синедрион вступили Афины, Мегары, Платеи, Феспии, Халкида и Эретрия. Все прочие греческие города заняли выжидательную позицию, а их было более тридцати.

Пелопоннесские союзники Лакедемона безропотно приняли верховенство спартанцев в синедрионе, ибо они привыкли им подчиняться. Не стали оспаривать главенство лакедемонян и афиняне, понимавшие, что в военном деле спартанцы превосходят любое из эллинских государств. Так было ещё на первом заседании синедриона, когда афинскую делегацию возглавлял Ксантипп, сын Арифрона.

Всем государствам, вступавшим в Коринфскую лигу позднее, ничего не оставалось, как подчиниться уже утверждённому уставу и принять председательство лакедемонян как должное.

Впрочем, нашлось одно государство, которое осмелилось потребовать у спартанцев равной с ними доли в главенстве над союзной лигой. Это был Аргос, давний и непримиримый враг лакедемонян. Скрепя сердце спартанцы пригласили аргосцев встать в единый строй защитников Эллады. Аргосцы согласились забыть обиды ради сплочения греческих сил против персов, но при этом потребовали себе равных прав с лакедемонянами. Спартанцы ответили высокомерным отказом. В Спарте опасались, что по примеру Аргоса таких же прав станут требовать для себя Афины и Коринф, а это грозило развалом союзной лиги.

Фемистокл, впервые оказавшийся на заседании синедриона, сразу почувствовал, что тон здесь задают спартанцы.

В первый день заседания глава спартанского посольства Эвенет, сын Карена, провёл через голосование следующее постановление. Из него следовало, что всякий эллинский город, покорившийся персидскому царю, но не вынужденный к этому необходимостью, в случае победы греков над варварами должен понести суровую кару.

Против эллинов-предателей Эвенет предложил синедриону заключить освящённый жертвоприношением и клятвой союзный договор. Этот договор гласил: пособников персидского царя, вольных и невольных, надлежит убить или обречь на пожизненное рабство, а всю их собственность отнять. Всех близких родственников изменников мужского и женского пола тоже следовало обратить в рабство без права выкупа на волю.

Эвенет настоял на незамедлительной процедуре принесения клятвы. Все члены синедриона отправились к жертвеннику Палемона⁶¹, находившемуся в священной ограде святилища Посейдона. Текст клятвы Эвенет привёз из Спарты.

---

⁶¹ Палемон – также известен как Меликерт – мальчик, превращённый в морское божество после того, как его мать под влиянием безумия, посланного Герой, бросилась вместе с сыном в море.

Эвенет первым подошёл к жертвеннику и положил ладонь на окровавленную печень и сердце только что заколотого быка. Зачитывая с навощённой таблички слова клятвы, Эвенет был торжественно спокоен. Его прямая спина, широко развёрнутые плечи, укрытые красным плащом, суровый взгляд говорили о том, что смысл данной клятвы воспринимается им не просто как руководство к действию, но как некий высший постулат, призванный перед лицом богов отмежевать дурных людей от хороших. Эвенет не просто произносил клятву в присутствии жрецов и членов синедриона. Он, можно сказать, трактовал закон существования людей и государств в условиях открытой вражды между эллинами и варварами.

Фемистокл не смог сдержать усмешку, поэтому прикрыл рот рукой, делая вид, что приглаживает усы. «Дай лакедемонянам волю, они всю Элладу заставили бы принести клятву на верность Лакедемону! – подумал он. – Неужели в Спарте кто-то всерьёз полагает такими вот клятвами запугать греческие государства, уже давшие персам землю и воду? В Коринфский союз нужно привлекать государства не угрозами, а обещаниями безопасности в случае персидского вторжения. Только так, а не иначе!»

По протоколу, первыми должны были приносить клятву представители Спарты, Коринфа и Афин, ибо мощь Коринфской лиги зиждилась прежде всего на военной силе трёх этих государств. Однако Фемистокл не стал соблюдать протокол, намеренно пропустив вперёд себя представителей из городов Пелопоннеса. Фемистокл видел, как тем не терпится выказать своё рвение перед председателем синедриона.

На пиру, организованном властями Коринфа для всех членов синедриона, Фемистокл оказался за одним столом с Эвенетом. Третьим за этим же столом возлежал коринфский аристократ Адимант, сын Окита.

Эвенет первым заговорил с Фемистоклом.

– Мне показалось, сын Неокла, что предложение Спарты не щадить предателей Эллады не нашло в тебе должного сочувствия. Почему? – Эвенет посмотрел в глаза Фемистоклу, отправляя в рот тёмную ягоду винограда.

– Я действительно не в восторге от подобных клятв, друг мой, – сказал Фемистокл, придвинув к себе блюдо с солёными оливками. – Как часто мы порой, не настигнув истинных виновников, караем невинных. Мстим не тем, кто заслуживает мести, а несчастным, подвернувшимся под горячую руку.

– Я тебя не понимаю, – озадаченно проговорил Эвенет. – Разве изменники не заслуживают суровой кары?

– Я тебе отвечу, друг-лаконец, – жуя оливки, продолжил Фемистокл. – Мы создали военный союз государств для войны с персами, куда вошли два десятка городов из Пелопоннеса и Срединной Эллады. А теперь подумай и скажи мне, почему ни один из городов Северной Греции к нам не присоединился? Неужели на севере Эллады живут одни изменники?

Эвенет переглянулся с Адимантом. Тот воспринял взгляд спартанца, как призыв о помощи, поэтому тоже вступил в разговор.

– Племена Фессалии более озабочены собственной безопасностью, нежели свободой Эллады, – заговорил Адимант, подложив себе под локоть мягкую подушку. – Фессалийцы понимают, что войско Коринфского союза вряд ли пойдёт на север Греции, чтобы сражаться за них против полчищ персидского царя. Сами же фессалийцы выстоять против персов не смогут. Потому-то тамошние правители дали персам землю и воду, загодя желая расположить к себе Ксеркса.

– Верно подмечено, Адимант. – Фемистокл поднял чашу с вином. – Твоё здоровье!

Сделав несколько глотков из чаши, Фемистокл опять обратился к Эвенету:

– Скажи мне, Эвенет, вправе ли мы считать фессалийцев предателями, если собственных сил для отражения персов у них нет, а помощи им ждать неоткуда? Погибнуть с честью фессалийцы не считают нужным, ведь у них нет лаконского воспитания. К тому же им дороги, как и

всем людям, жёны и дети, которые неминуемо окажутся в рабстве у варваров после доблестной гибели мужчин в битве. Имеет ли смысл вообще употреблять слово «измена» там, где более годится слово «неизбежность»?

– Ты это утверждаешь или спрашиваешь? – поинтересовался Эвенет.

– Спрашиваю, – ответил Фемистокл.

– Какие могут быть сомнения и отговорки, когда персы грозят не какому-то отдельному эллинскому городу, но всей Элладе? – Эвенет позабыл про еду и питьё. – Вот о чём идёт речь! Коринфский союз был создан год назад. Самые дальновидные люди в Спарте, Коринфе и Афинах ещё тогда призывали все эллинские племена объединиться в симмахию⁶². Если вся Эллада соберёт воедино свои войска и флот, то никакой Ксеркс нас не сможет одолеть!

Переполняемый воинственным пылом, Эвенет ударил по столу кулаком, так что задрезжала серебряная посуда. Фемистокл и Адимант слегка подались назад, дабы брызги красного виноградного вина из опрокинувшейся чаши не попали на их нарядные гиматии.

– Прошёл целый год, даже больше, – продолжил пылкий Эвенет. – И что мы видим?

– Что же мы видим? – как эхо, повторил Фемистокл.

– А то, что угроза персидского нашествия оправдалась, но даже ввиду этой угрозы греческие государства так и не смогли объединиться, – с горечью произнёс Эвенет. – Ну ладно, аргосцы питают к Лакедемону неистребимую вражду, а фиванцы не желают примирения с Афинами.

Но что помешало фессалийцам, магнетам, перребам и фтиотийским ахейцам вступить в Коринфский союз?

– Правители этих племён не верят в победу над Ксерксом, – ответил Адимант, хотя вопрос предназначался не ему.

– Поэтому мы должны причислить их к изменникам, – обронил Фемистокл. – Так, что ли?

– А что остаётся делать? – пожал плечами Адимант. – Кто не с нами, тот против нас!

– Иной раз нежелание сражаться тянет на измену, тем более намерение отсидеться в стороне, – угрюмо произнёс Эвенет.

– Ну, а если вдруг какой-то из фессалийских городов пожелает вступить в Коринфскую лигу и граждане этого города будут полны решимости сражаться с персами, что скажут на это власти Спарты? – Фемистокл пылливо взглянул на Эвенета. – Поможет ли войско Коринфского союза этому далёкому от Пелопоннеса союзнику, если ему будет угрожать враг?

– По-моему, это бессмысленно, – сказал Адимант. – Наше войско на фессалийских равнинах окажется в западне! Бесчисленные полчища варваров просто раздавят нас! Самое надёжное – это встретить персов здесь, на Истме.

– То есть как на Истме? – изумился Фемистокл. – Ты предлагаешь без сопротивления отдать персам Срединную Элладу?

По тому, с каким замешательством переглянулись Адимант и Эвенет, Фемистокл мигом сообразил, что между спартанцами и коринфянами, видимо, существует некая тайная договорённость относительно методов ведения войны с персами. По этой договорённости спартанцы и их союзники, похоже, вовсе не собираются отстаивать от варваров не то что север Греции, но даже Срединную Элладу, сосредоточив все силы на Истме для защиты Пелопоннеса.

– Адимант, не тебе рассуждать, где лучше встретить варваров, – с нескрываемым недовольством промолвил Эвенет. – Лучше помолчи! И выпей вина.

– Молчу, молчу... – смущённо проговорил коринфянин, протянув руку к чаше с вином.

– Наш друг не рвётся спасти Фессалию от персов, его более заботит судьба Коринфа, – со снисходительной улыбкой заметил Эвенет, обращаясь к Фемистоклу. – Не принимай всерьёз его слова. Не знаю, что сказали бы власти Спарты по поводу помощи тому воображаемому

⁶² Симмахия – военный союз нескольких государств.

фессалийскому городу, но моё мнение таково: помощь должна быть оказана. Доблестные мужи всегда должны помогать себе подобным. Это закон жизни!

– Хорошо сказано, Эвенет! – улыбнулся Фемистокл. И уже с серьёзным видом добавил: – Но мне думается, что власти Спарты иного мнения на этот счёт.

– Вот именно! – буркнул Адимант, потягивая вино из чаши.

Фемистокл удалился с пиршества одним из первых. Его одолевала какая-то внутренняя досада на извечную недалёковидность спартанцев в делах политики.

«Как они не поймут, что помыканьем и запугиваниями новых друзей не наживёшь, да и старых можно потерять, – размышлял Фемистокл наедине с самим собой. – А если спартанцы втайне задумали сражаться только за Пелопоннес, тогда и вовсе идея панэллинства как средства борьбы с персидской угрозой обречена на провал!»

* * *

Ночью в Коринфе прошёл короткий ливень.

Фемистокл поднялся с ложа, едва стало светать. Он и платеец Алкифрон остановились в доме их общего гостеприимца, коринфянина Ксенагора.

Умываясь во внутреннем двореке холодной ключевой водой, Фемистокл продолжал думать о том, что не давало ему заснуть ночью. Персы вот-вот двинутся на Элладу, а Коринфский союз ещё не настолько силён, чтобы на равных противостоять полчищам Ксеркса.

«Нужно искать новых союзников за пределами Эллады, – думал Фемистокл, вытираясь полотенцем, которое ему подал верный слуга Сикинн. – Нужно слать гонцов на Крит, в Италию и на Сицилию. Там тоже живут греки, которые, быть может, откликнутся на наш призыв о помощи!»

Едва Эвенет открыл очередное заседание синедриона, как Фемистокл тут же взял слово. В короткой и эмоциональной речи он обрисовал присутствующим сложившуюся ситуацию.

– Бесплодным ожиданием и угрозами мы ничего не добьёмся, друзья, – говорил Фемистокл. – Нужно действовать! Необходимо привлечь в Коринфский союз критян и западных эллинов. На Крите и в Сицилии есть несколько сильных государств, помощь которых нам бы очень сейчас пригодилась.

Фемистокла поддержал Адимант, который выступил после него. Он напомнил собравшимся про государство Керкиру, расположенное на одноимённом острове близ западного побережья Срединной Эллады.

– Керкиряне обладают флотом в шестьдесят триер, – сказал Адимант. – Если триеры керкирян соединить с нашими кораблями, то представляете, друзья, как усилятся наши морские силы?!

После коротких и бурных дебатов члены синедриона постановили: отправить послов на остров Крит, а также в Южную Италию, на Сицилию и Керкиру. В каждом посольстве должно было быть по три человека: один представитель от Спарты и по одному послу от Афин и Коринфа.

Фемистокл хотел сам поехать на Сицилию, поэтому он спешно вернулся в Афины, чтобы сделать соответствующее заявление в народном собрании. Однако события стали развиваться совершенно неожиданным образом. Едва ступив на афинскую землю, Фемистокл узнал, что в Коринф из Фессалии прибыло большое посольство, возглавляемое Скопадами. Это были те из фессалийцев, кто не пожелал покориться персам.

Фемистокл убедил архонтов, чтобы его отправили обратно в Коринф. Послом на Сицилию народное собрание с подачи Фемистокла назначило его друга Эпикрата.

Когда Фемистокл снова оказался в Коринфе, то Эвенет при первой же встрече с ним промолвил, глядя ему в глаза:

– Признайся, Фемистокл, ты знал, что фессалийцы намерены отправить посольство в Коринф, когда завёл речь со мной и Адимантом о том, что не всякая измена есть измена. Тебе было ведомо, что Скопады и их союзники не намерены покоряться Ксерксу. Ведь так?

– Нет, Эвенет, – сказал Фемистокл, – я ничего не знал про это посольство. Скажу больше, я верил слухам, из коих следовало, что фессалийцы давно покорились персам. Но я рад, что эти слухи обманули меня. А ты рад?

Теперь уже Фемистокл пристально посмотрел в голубые глаза Эвенета.

– Нетрудно догадаться, что Скопады и их союзники, вступая в Коринфский союз, потребуют от синедриона военной помощи против варваров, – вздохнул спартанец. – По уставу лиги у Скопадов будет законное право получить эту помощь. Однако очевидно и то, что посылать объединённое эллинское войско в Фессалию – это безумие, с военной точки зрения. Спартанские власти, я уверен, не пойдут на это.

– Но это же нарушение устава лиги, – заметил Фемистокл.

– Согласен, – хмуро кивнул Эвенет. – Но мои сограждане не станут рисковать эллинским войском в угоду нескольким строкам букв, выбитым на каменной плите. Ведь, по тому же уставу главенство над всеми военными силами Коринфского союза принадлежит лакедемонянам. Нарушая устав лиги в одном, власти Спарты соблюдают его в другом.

– В итоге получается замкнутый круг, – проворчал Фемистокл. – Что ты намерен делать, друг мой? Ждать указаний из Спарты?

– А что бы ты сделал на моём месте, Фемистокл? – спросил Эвенет.

Одолеваемый сомнениями и беспокойством, статный и широкоплечий спартанец теперь более походил на мальчика, который ожидает помощи от взрослого мужчины.

– Я принял бы фессалийцев в Коринфский союз и оказал бы им военную помощь, – без раздумий ответил Фемистокл.

Эвенет тяжело вздохнул:

– Ты говоришь, как афинянин, друг мой. Если бы ты был спартанцем, то наверняка заговорил бы по-другому.

На открывшемся заседании синедриона сказанное Эвенетом полностью подтвердилось.

Посол из города Краннона, где правили Скопады, от лица своих граждан и от лица союзников из других фессалийских городов обратился к синедриону с такими словами:

– Эллины! Нужно удерживать Олимпийский горный проход, чтобы спасти Фессалию и всю Элладу от ужасов войны. Мы готовы вместе с вами защищать этот проход, но вам надлежит без промедления отправить туда большое войско. Если вы этого не сделаете, то знайте: мы сдадимся персидскому царю. Вам не пристало требовать, чтобы мы, стоящие на страже так далеко от остальной Эллады, одни погибли за вас. Не желая помочь нам, вы никак не сможете заставить нас присоединиться к вашему союзу. Ибо нет силы сильнее немощи! Нам придётся тогда самим подумать о своём спасении.

Затем слово взял Фемистокл, который в своей речи обращался не столько к членам синедриона, сколько к председательствующему Эвенету. Фемистокл призывал союзное собрание поддержать фессалийцев и встретить врага у дальних пределов Эллады. Закончил своё выступление Фемистокл словами Эвенета. Мол, доблестные мужи всегда должны помогать друг другу, ведь это закон жизни!

Во время тайного голосования с перевесом всего в один голос было принято постановление: оказать военную помощь Скопадам и их союзникам.

Сразу после заседания Фемистокл случайно столкнулся с Адимантом и Эвенетом, которые вместе выходили из Эллениона. Так называлось каменное здание, где в прошлые годы обычно собирались устроители Истмийских игр. Спартанец и коринфянин задержались у колонн портика, пропуская вперёд более старших по возрасту членов синедриона. Тут-то Фемистокл и оказался с ними лицом к лицу!

Адимант что-то недовольно выговаривал Эвенету, раздражённо жестикулируя руками. Увидев Фемистокла, Адимант заметно смутился и умолк на полуслове.

– Мне интересно, Эвенет, какой камешек ты опустил в сосуд для голосования, чёрный или белый? ⁶³– обратился к спартанцу Фемистокл.

– Белый, – ответил Эвенет.

– Ну и зря! – пробурчал Адимант. – Бессмысленное это дело – заниматься спасением фессалийцев от полчищ персидского царя!

– Конечно, проще заранее объявить всех фессалийцев предателями, а общеэллинское войско собрать на Истме для защиты Коринфа, – язвительно бросил Фемистокл. И уже спокойным голосом он добавил, обращаясь к Эвенету: – Ты поступил правильно, друг мой. Врага нужно встречать как можно дальше от Срединной Эллады. Я думаю, и спартанские власти в конце концов поймут твою правоту.

* * *

На пиршестве, устроенном коринфскими властями по случаю вступления фессалийцев в Коринфскую лигу, Фемистокл опять очутился за одним столом с Эвенетом и Адимантом.

Желая порадовать высоких гостей и произвести впечатление на фессалийских послов, организаторы пира пригласили в праздничный зал Эллениона помимо музыкантов и танцовщиц ещё и самых красивых гетер⁶⁴.

Коринф издревле славился своими диктерионами, школами гетер, храмовыми блудницами и портовыми проститутками. Тому способствовал культ Афродиты Пандемос, распространённый в Коринфе с древнейших времён, ещё до прихода дорийцев. В местечке Кранеон, в городе коринфян, стоял самый знаменитый храм Афродиты во всей Элладе. В этом святилище не просто поклонялись богине плотской любви, здесь из юных дев воспитывали утончённых и образованных гетер. При храме постоянно проживало около тысячи красивых молодых рабынь, которые за небольшую плату отдавались всем желающим. Эти рабыни считались жрицами Афродиты и таким образом они осуществляли своё служение вечно прекрасной богине.

Гетеры появились в зале, украшенном гирляндами из цветов, под звуки авлосов⁶⁵. Впереди шли два юных музыканта, выводивших мелодичные трели Дионисова гимна. За ними парами входили гетеры.

Пирующие встретили этот парад красоты бурными восхищёнными возгласами: где-то раздались рукоплескания, где-то зазвучали слова изысканных приветствий.

Большинство гетер пришли на пир в тончайших одеждах, сквозь которые проступали соблазнительные очертания их совершенных по красоте фигур. Длинные хитоны гетер помимо своей прозрачности имели ещё длинные разрезы на бёдрах. Многие из гетер развязали тесёмки хитонов на одном плече, намеренно обнажив половину груди. Это говорило собравшимся на пирю мужчинам об их доступности для интимных ласк.

Гетеры держали в руках венки из цветов. Каждая из них, приглядываясь к возлежащим за столами гостям, выбирала того, с кем ей было бы приятно провести вечер, а может, и ночь, если остроумие и щедрость её избранника проявятся в полном блеске. Скучных и скупых мужчин местные гетеры, как правило, избегали.

---

⁶³ Чёрный камешек означал голос, поданный против, белый камешек означал голос за.

⁶⁴ Гетера – женщина, ведущая независимый образ жизни, хорошо образованная, разбирающаяся в музыке, поэзии и философии.

⁶⁵ Авлос – музыкальный инструмент, похожий на гобой или свирель. Обычно музыкант играл одновременно на двух авлосах.

Одна из гетер, красивая и статная, с пышной, изысканной причёской, сразу направилась к устроителям застолья и спросила у них, за каким столом возлежит афинянин Фемистокл. Ей указали этот стол, приблизившись к которому гетера без всякого смущения окинула взглядом троих мужчин. Один из них выделялся богатой одеждой и тщательно завитой шевелюрой. Это был Адимант.

– Привет тебе, Адимант! – сказала гетера. – Я ищу Фемистокла.

– Это я. – Фемистокл вежливо придвинул гетере стул.

– Меня зовут Гермонасса, – представилась красавица и возложила венок из белых роз на голову Фемистокла.

– Какое чудесное имя! – улыбнулся Фемистокл.

Гермонасса села на стул. Фемистокл представил ей Эвенета.

– Так это ты и есть – Эвенет, сын Карена! – с восхищением в голосе промолвила гетера. – Я слышана о тебе! Вернее, о твоей храбрости на поле битвы. Жаль, у меня нет ещё одного венка...

Красавица помедлила, затем грациозно встала и, наклонившись, поцеловала спартамца в уста.

– Это тебе вместо венка, – улыбнулась она, вновь усаживаясь на стул.

Эвенет зарделся от удовольствия.

– Гермонасса, а меня ты не хочешь порадовать поцелуем? – спросил Адимант, протянув гетере чашу с вином.

– Тебя?! – Гермонасса брезгливо скривила свои красиво очерченные губы. – С какой стати? Ты же мошенник и трус!

Она взяла чашу из рук Адиманта и поставила её на стол, не отпив из неё ни глотка.

– Фи! Какая ты сегодня вульгарная! – поморщился Адимант.

– Мне удивительно, почему коринфяне выдвинули тебя в стратеги, Адимант, – с возмущением в голосе продолжила Гермонасса. – Подозреваю, здесь явно не обошлось без подкупа. В результате – завитый, напудренный шакал восседает в обществе двух львов. Смешно и грустно смотреть на это!

– Пощади Адиманта, прекрасная Гермонасса, – промолвил Фемистокл. – Заседая в синедрионе, он дал немало полезных советов. В конце концов, Адимант делает вместе с нами общее дело.

– Адимант может с лёгкостью предать любое общее дело, – жёстко бросила Гермонасса. – Мне ли не знать этого пройдоху!

На лице Адиманта проступили красные пятна от еле сдерживаемого гнева. Если бы не Фемистокл, сумевший перевести застольную беседу в иное русло, то гнев Адиманта неминуемо излился бы на смелую гетеру потоком бранных слов.

Гермонасса оказалась необычайно остроумной собеседницей. Она была настроена неприязненно против персов, что было сразу же подмечено Фемистоклом. Он осведомился у гетеры о причине такой ненависти к персам. Оказалось, что семья Гермонассы была родом из города Клазомены, жестоко пострадавшего во время Ионийского восстания⁶⁶. Гермонассе, её родителям и брату пришлось искать пристанище в Коринфе, спасаясь от мести варваров, принудивших Ионию к покорности после долгой и упорной войны.

Со временем отец и брат Гермонассы получили коринфское гражданство за храбрость, проявленную на войне. Стала гражданской Коринфа и Гермонасса. Однако красавица-гетера жила мечтой когда-нибудь вернуться на свою прежнюю родину. Гермонасса прекрасно понимала, что это может случиться только в случае победы эллинов над персидским царём.

---

⁶⁶ Ионийское восстание – попытка греческих городов на побережье Малой Азии военным путём сбросить власть персов, захвативших Ионию. Подавлено персами в 493 году до н. э.

В основном об этом и шёл разговор за столом. Вернее, Гермонасса всякий раз возвращалась к этой теме, пресекая все попытки Адиманта поговорить о живописи, музыке и поэзии.

Видя, что ему не удастся уговорить Гермонассу сыграть на кифаре или продекламировать что-нибудь из мелической лирики, Адимант сказал в порыве раздражения:

– Твоя кипучая ненависть к персидскому царю, Гермонасса, не умаляет его могущество и не прибавляет мощи Коринфскому союзу. К чему эти разговоры об отвоевании у персов Ионии, если у эллинов даже для собственной защиты не хватает сил?!

– Не сил у вас не хватает, а мудрости и единства! – резко промолвила Гермонасса, смеяв Адиманта презрительным взглядом. – Мне известно, что Скопады пожаловали в Коринф, дабы убедить синедрион оказать им военную помощь против варваров. Но, похоже, просьбы фессалийцев ушли, как вода в песок!

– Ты не права, красавица, – мягко возразил Эвенет. – Синедрион тайным голосованием постановил отправить войско к горному Олимпийскому проходу.

– Проголосовать за войну – ещё не означает вступить в сражение, – усмехнулась Гермонасса, повернувшись к Эвенету.

Спартанец слегка смутился под прямым взглядом больших красивых глаз гетеры.

– Верно подмечено, – кивнул Адимант. И язвительно добавил: – Хоть ты, Эвенет, и проголосовал за оказание помощи Скопадам, но власти Спарты всё равно сделают по-своему. Я уверен, наше войско не пойдёт в Фессалию.

– Это так? – Гермонасса не спускала со спартамца своего требовательного взгляда.

Эвенет промолчал.

– Вот видишь, Фемистокл, – с горечью произнесла Гермонасса, – с какими людьми ты имеешь дело. Спартамцы пекутся о Лакедемоне, а коринфяне – о Коринфе... До прочих эллинов им нет дела!

Гермонасса взяла Фемистокла за руку и решительно потянула его за собой.

– Идём отсюда, Фемистокл! – сказала она. – Тебе не место среди двуличных людей.

Поведение гетеры и её слова произвели на Фемистокла сильнейшее впечатление, поэтому он не стал противиться и покинул пиршество. К тому же Фемистоклу показалось, что Гермонасса знает что-то очень важное и хочет этим с ним поделиться.

Фемистокл не ошибся в своём предположении.

Гермонасса повела Фемистокла к себе домой. По пути она рассказала ему всё, что узнала от должностных лиц Коринфа, развлекая их на ночных пирушках, относительно планов ведения войны с персами. Оказывается, правители Спарты и Коринфа договорились с дельфийскими жрецами и с прорицателями в Олимпии, чтобы те выдавали феорам⁶⁷ из Срединной Эллады лишь такие оракулы, которые призывают людей покинуть отечество и искать спасения в бегстве.

– Высшая знать Коринфа и их друзья в Лакедемоне имеют тайное намерение задержать варваров на Истмийском перешейке, перегородив его каменной стеной от моря до моря, – молвила Гермонасса Фемистоклу уже у себя дома. – Персы ещё не вступили на землю Эллады, а власти Спарты и Коринфа уже согласились с гибелью Афин и прочих эллинских городов к северу от Истма. С этим нельзя мириться!

Гермонасса приблизилась к сидевшему на стуле Фемистоклу, положив руки ему на плечи.

– Да, с этим мириться нельзя, – согласился с гетерой Фемистокл.

Он был хмур и задумчив. Получается, что Эвенет и Адимант с самого начала водили его за нос!

Фемистокл встал и обнял Гермонассу за талию.

---

⁶⁷ Феоры – члены священного посольства, направляемого государством в какое-либо эллинское святилище, дабы через оракул узнать волю божества относительно какого-нибудь трудного вопроса.

– Я благодарен богам, что они свели меня с тобой, – тихо сказал он, глядя гетере в глаза. – К сожалению, я не настолько богат, как большинство твоих здешних поклонников...

– Разве я говорю о деньгах? – так же тихо промолвила Гермонасса, прижавшись к Фемистоклу. – Я хочу, чтобы ты разорил это гнездо недомолвок и лжи! Я хочу, чтобы именно ты возглавил синедрион, только тогда слова ораторов перейдут в дела полководцев. Мне кажется, Фемистокл, в тебе живёт дар провидца, ведь ты давно начал говорить своим согражданам о персидской угрозе. И вот твои слова сбылись!

– Спартанцы не допустят, чтобы афинянин, даже прозорливый, отнял у них главенство в синедрионе. – Фемистокл печально вздохнул. – Ведь спартанцы не меньше Ксеркса мечтают о гегемонии над Элладой. Персидская угроза властям Спарты даже кстати. Эта угроза позволяет им сплотить вокруг Лакедемона многие греческие государства.

– Но спартанцы не пойдут дальше Истма, – заметила Гермонасса. – Ты сам сказал, что не станешь мириться с этим. Надо что-то делать!

– А ты готова помогать мне? – спросил Фемистокл.

Его осмелевшие пальцы расстегнули застёжки на плечах у гетеры. Длинный хитон, соскользнув вниз, упал к ногам Гермонассы.

– Я готова помогать тебе всегда и во всём! – без колебаний произнесла Гермонасса, ничуть не смущаясь своей наготы.

– Прекрасный ответ! – восхищённо прошептал Фемистокл. Его ладони легли на пышную грудь гетеры. – И не менее прекрасная грудь! Отныне я – Одиссей, преследуемый кознями и склоками недругов и глупцов. А ты – богиня Афина, моя покровительница. Давай скрепим наш союз нежным поцелуем.

Гермонасса с готовностью подставила Фемистоклу для поцелуя свои сочные уста.

Долгое и страстное лобзание опьянило Фемистокла, словно он выпил неразбавленного вина. Ему, познавшему в своей жизни поцелуи многих женщин, соединение с устами Гермонассы вдруг показалось таким непередаваемым наслаждением, словно перед ним и впрямь была богиня, многомудрая и прелестная дочь Зевса.

Гермонасса прочитала по глазам Фемистокла, сколь сильной страстью он сейчас охвачен. Взяв за руку своего позднего гостя, гетера привела его в опочивальню, помогла раздеться и омыла ему ноги в глубоком медном тазу.

Затем Гермонасса легонько подтолкнула Фемистокла к широкому ложу в глубине комнаты. Он с удивлением обнаружил, что постель застелена красной простыней и одеялом. Такого же цвета были и круглые, в виде валиков, подушки.

Фемистокл с благоговением возлёг на этот пылающий пурпур, а когда гетера, обнажённая, с распущенными по плечам волосами, приблизилась, то произнёс:

– Ты удивительная женщина!

Гермонасса догадалась, что у Фемистокла вырвались эти слова не только от восхищения её наготой, но и от необычного цвета её постели, поэтому сказала, ложась рядом с Фемистоклом:

– Богине Афине более пристало именно такое по цвету ложе. Разве нет?

Два масляных светильника, стоявших на подставках по краям ложа, озарили своим ровным светом раскинувшуюся на постели молодую женщину. Белизна её нагого тела изумительно контрастировала с алым цветом простыни и подушек.

«Красное и белое! – подумал Фемистокл, обнимая Гермонассу, по телу которой пробежала лёгкая дрожь. – Воинственность и благородство! Вот две ипостаси, составляющие сущность этой женщины. О Зевс, как она прекрасна! И как она желанна мне!»

* * *

– Мне было тринадцать лет, когда началось Ионийское восстание, – рассказывала Гермонасса тихим голосом, мягко перебирая пальцы на руке Фемистокла. Они отдыхали, прижавшись друг к другу, после бурных ласк. – Помню, все мужчины тогда ушли на войну. В Клазоменах остались в основном старики, женщины и дети. Да ещё оставался отряд эфэбов, который нёс стражу на городских стенах. Сколько радости было, когда пришла весть, что эллинское войско захватило Сарды, выбив оттуда персидский гарнизон! Люди радовались и тому, что афиняне и эретрийцы прислали боевые корабли на помощь восставшим ионийцам. Однако все успехи ионийцев сошли на нет из-за распрей среди предводителей восстания. – Гермонасса тяжело вздохнула. – Такое великое начинание рассыпалось в прах! Свобода Ионии была попорана персами по вине некоторых безмозглых честолюбцев, которые более радели о собственном благе, нежели о победе ионян над варварами. К сожалению, печальный пример ионийцев ничему не научил ни коринфян, ни спартанцев.

Гермонасса умолкла, положив голову Фемистоклу на грудь.

– Как же ты очутилась в Коринфе? – спросил Фемистокл.

– Когда стало окончательно ясно, что восстание обречено на поражение, мой отец уговорил знакомого купца, чтобы тот перевёз его семью в Коринф, – ответила Гермонасса. – Мой отец остался в Клазоменах, чтобы защищать город от персов. Варвары взяли Клазомены штурмом. Отец был ранен, но сумел спастись. Он тоже перебрался в Коринф. Здесь живёт немало беглецов из Ионии.

– Утром я пойду к Эвенету, – сказал Фемистокл. – Я знаю, он – честный и благородный человек. Постараюсь убедить его, что защищать от персов нужно не Истм, а всю Элладу. Если Эвенет проникнется моим стремлением не допустить варваров в Грецию, тогда он будет разговаривать с властями Спарты моими устами.

Через открытое окно из сада долетал шум листья деревьев. С моря дул сильный ветер.

– А если Эвенет не проникнется твоим стремлением победить персов на дальних рубежах Эллады, что тогда? – спросила Гермонасса.

– Тогда мне придётся искать другого спартанца, имеющего влияние в Лакедемоне, чтобы заполучить его в союзники, – помолчав, ответил Фемистокл.

– Жаль, что я не мужчина, – вздохнула Гермонасса, – тогда от меня было бы больше проку.

– Судьба распорядилась, чтобы ты родилась женщиной, а не мужчиной, – промолвил Фемистокл. – Порой именно женщина оказывается настолько прозорливой, что выводит из затруднения даже умудрённых жизненным опытом старцев.

Фемистокл поведал Гермонассе историю о том, как изгнанный из Спарты царь Демарат два года тому назад прислал своим согражданам очень странное письмо. Вернее, не письмо, а навощённую табличку, на которой не было написано ни строчки. Спартанские старейшины долго думали над тем, что может означать это послание, но так ничего и не придумали. И только Горго, жена царя Леонида, догадалась, в чём тут хитрость. Горго посоветовала счистить воск с медной дощечки. Воск счистили, и под ним оказались письмена, нацарапанные чем-то острым на меди. В своём послании Демарат предупреждал спартанцев о том, что Ксеркс собирает войско для похода на Элладу.

– В таком случае, Фемистокл, тебе лучше всего взять в союзницы Горго, – засмеялась Гермонасса. – Уж она-то, конечно, имеет вес в Спарте! После случая с письмом Демарата спартанцы наверняка прониклись к жене Леонида огромным уважением.

– К сожалению, даже при всём уважении к Горго власти Лакедемона не позволят ей засесть в синедрионе, – заметил Фемистокл.

* * *

Этот разговор не заладился с самого начала. Фемистокл, попытавшийся прижать Эвенета к стенке своими доводами о двуличии спартанских властей, ожидал от него совсем иной реакции. Эвенет не стал отпираться и подтвердил, что власти Спарты и Коринфа сговорились втайне от афинян и их союзников не посылать войско дальше Истма. Но сам Эвенет к этому решению никакого отношения не имеет.

– У себя на родине, Фемистокл, ты, возможно, первый среди граждан, а я в Спарте не только не первый, но даже не пятый, – молвил Эвенет. – Вся спартанская знать делится на две категории: правители государства и предводители войска. Так вот, я – полководец, а не правитель.

Раздосадованный Фемистокл промолвил, что спартанцы поступают удивительно неразумно:

– Общеэллинским войском распоряжаются лакедемоняне, плохо сведущие в военном деле. А в синедрион спартанцы посылают военачальника, который ни за что не отвечает и мало смыслит в политике.

– Мне даны указания, как действовать, – оправдывался Эвенет. – Большого ума не надо, чтобы проводить голосования.

– А как быть с фессалийцами? – напирал на Эвенета Фемистокл. – Скопады и их союзники рассчитывают на помощь войск Коринфского союза.

– Я передам просьбу Скопадов спартанским эфорам⁶⁸, – сказал Эвенет. – Со своей стороны, я сделал всё, что мог.

Фемистокл уже было впал в отчаяние, не видя никакой возможности воздействовать на Эвенета, дабы в том вспыхнуло сильное желание пойти наперекор тайным замыслам эфоров, но неожиданно Эвенет заговорил о Гермонассе. От Фемистокла не укрылось то, с каким искренним восхищением спартанец отзывается о гетере. Смущаясь и краснея, как юнец, Эвенет стал просить Фемистокла устроить ему встречу с Гермонассой.

– Когда ты собираешься ехать в Спарту? – спросил Фемистокл.

– Послезавтра, – ответил Эвенет, с надеждой глядя в глаза Фемистокла.

– Почему ты не обратишься с этим к Адиманту?

– Адимант ненавидит Гермонассу. Ты же слышал, как она о нём отзывается.

– Я постараюсь помочь тебе, друг мой, – проговорил Фемистокл, радуясь в душе, что хотя бы через чары Гермонассы он сможет влиять на Эвенета.

Гермонасса выслушала Фемистокла, не спуская с него внимательных глаз. Понятна ли ей её задача? Конечно, понятна! Она сделает всё как надо. Ей ли не знать, как очаровывать мужчин! Этим делом она занимается не первый год.

– А ты сетовала, что не родилась мужчиной, – подтрунил Фемистокл над Гермонассой. – Будь ты мужчиной, Эвенет и не взглянул бы на тебя.

– А если бы вместо меня Эвенет возжелал бы твою жену, Фемистокл, как бы ты поступил тогда? – с коварной полуусмешкой спросила Гермонасса.

Фемистокл мигом догадался, что стоит за этой фразой гетеры.

Он привлек к себе Гермонассу и, глядя ей в очи, произнёс:

– Если ты думаешь, что мне безразлично, какие мужчины кроме меня будут дарить тебе свои ласки и комплименты, то ты ошибаешься. Ты очень сильно ошибаешься, милая. Однако без твоей помощи, моя богиня, мне теперь не обойтись. Если Эвенет глух к доводам разума, то пусть капризный Эрос подтолкнёт его к нужному для меня пути.

---

⁶⁸ Эфоры – пять высших должностных лиц в древней Спарте, избиравшихся сроком на один год.

Гермонасса прижала палец к губам Фемистокла.

– Можешь не продолжать, – негромко обронила она. – Я сумею сделать Эвенета рабом своих чар. Я даже горда тем, что наконец-то моё ремесло гетеры послужит великому делу, а не обычному утолению мужской похоти.

Гермонасса сдержала своё слово.

После встречи с нею Эвенет стал совсем другим человеком. Беседуя с Фемистоклом накануне своего отъезда в Спарту, Эвенет завёл речь о том, что если бы у него имелось хотя бы два таланта серебра, то ему, пожалуй, удалось бы убедить кое-кого из эфоров в необходимости оказания помощи фессалийцам.

– А я-то думал, что спартанцы почитают Ареса, ни во что не ставя Плутоса⁶⁹, – сказал удивлённый Фемистокл.

– Я тоже раньше думал, что самые красивые женщины живут в Спарте, но после знакомства с Гермонассой мнение моё изменилось, – вздохнул Эвенет.

Фемистокл, развив кипучую деятельность, сумел раздобыть у своих коринфских друзей необходимые два таланта в серебряной монете. Причём половину этой суммы Фемистоклу одолжила Гермонасса.

Эвенет уехал в Спарту, пообещав Фемистоклу в случае успеха отправить к нему гонца с дубовым листом. Если гонец привезёт лист платана, значит, спартанское войско в поход не выступит.

---

⁶⁹ Плутос – бог богатства и изобилия у древних греков.

Глава седьмая Мечь Хионы

Неокл, отец Фемистокла, первым браком был женат на незнатной женщине из Колиадского дема. От этого брака у него было три дочери, из которых две умерли ещё во младенчестве. Третья дочь, родившаяся в месяце фаргелионе⁷⁰, в честь этого была названа Фаргелией.

Первая жена Неокла скончалась, не выдержав четвёртых родов. Она была схоронена вместе с мёртвым младенцем, а Неокл, строивший планы о новой женитьбе, постарался как можно скорее отделаться от нелюбимой дочери. Едва Фаргелии исполнилось тринадцать лет, Неокл выдал её замуж за совершенно ничтожного человека, месильщика глины, который жил в Керамике и перебивался случайными заработками.

Вскоре после этого Неокл женился на матери Фемистокла, фракиянке Абртонон. После нашествия скифов на Херсонес Фракийский немало фракийцев покинуло этот благословенный полуостров и осело в Афинах, ища спасения от бедствий войны.

Абртонон родила Неоклу сына, которого тот назвал Фемистоклом в честь своего деда с отцовской стороны. Фемистоклу было десять лет, когда умер его отец. На похоронах отца Фемистокл впервые увидел свою старшую сводную сестру. Познакомился и с её мужем.

Своего супруга Фаргелия люто ненавидела, поскольку он был горьким пьяницей и мог уступить свою жену кому угодно за дармовую выпивку. По сути дела, Фаргелия была женой двух мужчин одновременно. Помимо законного мужа с нею сожительствовал его брат, не делая из этого особой тайны.

Когда муж Фаргелии был убит в пьяной драке, то его место занял распутный деверь, даже не пытаясь оформить всё законным брачным актом. От него-то Фаргелия родила свою единственную дочь, назвав её Гекамедой. Деверь погиб в Марафонской битве и был похоронен за государственный счёт.

Фаргелии от её умершего мужа достался в наследство небольшой дом, в котором зимой было очень холодно, а летом нестерпимо душно. Оставшись без средств к существованию, Фаргелия бралась за любую работу, но всё равно прозябала в нищете и все свои надежды на благополучную жизнь связывала со своим сводным братом, который быстро пошёл в гору, едва вышел из возраста эфеба.

---

⁷⁰ Фаргелион – конец мая – первая половина июня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.